

Служу России и Спецназу

АЛЕКСАНДР
ТАМОНИКОВ

РАБОТА ДЛЯ СПЕЦОВ

ЭКСМО

Александр Александрович Тамоников

Работа для спецов

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=161842

Александр Тамоников. Работа для спецов: Эксмо; Москва; 2003

ISBN 5-699-04156-7

Аннотация

Спецназ объявляет жестокую войну наркомафии! Офицеры секретного подразделения «Виртус» Феликс Борисов и Виктор Грошев, на счету которых немало успешных боевых операций, готовы и здесь сражаться до победного конца. У них к тому же есть личные счеты к продавцам «смертоносного зелья»... И вот наркодельцы в страхе и ярости — одного за другим убивают крутых авторитетов, а исполнители неизвестны. Бандиты собираются с силами, чтобы нанести ответный удар, но у «Виртуса» на этот счет свое мнение. Так что настоящая работа для спецов всегда найдется!

Содержание

Часть I

5

Конец ознакомительного фрагмента.

95

Александр Тамоников

Работа для спецов

Дорогой жене Татьяне с признанием в любви посвящаю

Часть I

АРТАЛЫК

Утро начиналось как обычно. Единственным отличием от последних дней, разогревших улицы до африканской жары, был дождь. Даже не дождь, а изморось, и это было приятно. С точки зрения Феликса, стояла прекрасная погода. Обычным утро было главным образом потому, что началось оно, как всегда, пустотой. Сегодня, как, впрочем, и вчера, и позавчера, ему, по большому счету, нечего было делать. Некуда спешить. К чему-либо стремиться.

Феликс встал, закурил. Несмотря на то, что в последнее время фортуна к нему явно не благоволила, настроение, как ни странно, было приподнятым. Может, причиной этому стала ненастная погода, а может, сон, который приснился накануне ночью. Снов Феликс не видел с далекого детства и будто вернулся в то время, когда были еще живы отец и мать и не было детского дома. Удивился Феликс и тому, как ясно он вдруг увидел свою семью. Увидел глазами трехлетнего ребенка то, чего никогда наяву не мог вспомнить. Самое странное, что внутри родилось чувство какого-то ожидания. Это ожидание было с ним и сейчас.

День начинался, и, для того чтобы жизнь продолжалась, надо было обеспечивать себя хлебом насущным. Феликс на-

чал одеваться. В последнее время на пропитание он зарабатывал частным извозом. Выйдя из подъезда, по привычке осмотрелся и направился к машине. В салоне определенно кто-то находился. Этот «кто-то» сидел на заднем сиденье, но тонированные стекла и капли влаги не позволяли рассмотреть его. Феликс подошел к автомобилю и открыл дверь со стороны пассажира.

– Доброе утро, сэр. Не будете ли столь любезны объяснить, какого черта вы делаете в моей машине?

– Я буду так любезен, – в тон Феликсу произнес незнакомец, – но вы собирались куда-то ехать? Так поехали, и уверяю, я расскажу много интересного, касающегося нас обоих.

– Что ж, поехали, только предупреждаю – если рассказ покажется мне неинтересным, то за проезд придется заплатить, ибо я на работе.

Феликс вывел машину со двора, повернул на главную дорогу и направился в сторону выезда из города. Что-то не давало ему покоя, чего он не мог просчитать. Он не помнил ничего, что могло бы связать его с незнакомцем. Это человек из прошлого, сравнительно далекого прошлого, но откуда? Ответа не было. Смущали в незнакомце его глаза – умные, холодные, расчетливые. Человек с такими глазами запросто мог и угостить пряником, и ударить кнутом.

Первым начал разговор пассажир:

– Я вижу, что вы напряженно думаете обо мне. Я решил не держать вас больше в неведении, только прошу – остано-

витель, пожалуйста, где-нибудь.

Феликс повернул на набережную, остановил автомобиль. Затем обратился к незнакомцу:

– Вы обещали интересный разговор.

– Хорошо, но тогда я сразу перейду на «ты». Да-да, не возмущайся. Скоро ты поймешь, что у меня есть все основания обращаться к тебе на «ты». Не буду тянуть кота за хвост, а сразу хочу напомнить тебе некоторые детали прошлого, когда ты был неплохим офицером, пожалуй, самой непростой спецслужбы. И Арталык был впереди. Арталык и все, связанное с ним, что так круто изменило всю твою жизнь. Мою тоже.

Феликс сидел оцепеневший, не в силах произнести ни слова.

– Извини, Феликс, – незнакомец впервые назвал его по имени, – в любом случае, для тебя наша встреча стала бы полнейшей неожиданностью. Я смотрю, ты даже сейчас не понимаешь, кто перед тобой. Ну хорошо, помогу тебе. Я... Крот, Виктор Грошев.

– Крот, – только и смог повторить Феликс.

В голове все смешалось. Разум отказывался верить услышанному.

– Крот, Грошев, – повторял он.

Затем наступило молчание. Наконец Феликс очнулся:

– Но этого не может быть. Я же сам, своими глазами видел, как ты подорвал себя вместе со всем сбродом, там, на краю

ущелья...

– Успокойся. Подорваться и умереть – еще не одно и то же. Надеюсь, ты не сомневаешься, что я – Виктор Грошев?

– Сомневаться не сомневаюсь, но и поверить трудно.

– У нас теперь достаточно времени, чтобы объясниться. Главное, я нашел тебя. Чуть позже я все подробно расскажу. Но сейчас, извини, не мог бы ты отвезти меня к себе домой? Я очень устал, Феликс. Мне необходимы несколько часов сна.

Увидев, что бывший напарник, которого он помнил как капитана Виктора Грошева, засыпает на ходу, Феликс повернул обратно к дому. Там, уложив Виктора, он решил не мешать другу и отсидеться в небольшом кафе. Войдя в помещение, выбрал столик у окна, заказал бутылку водки. Капли дождя, мерно стучащие по стеклу, тишина в кафе настраивали на размышления, уводя Феликса в прошлое. В прошлое, которое навсегда осталось с ним, жило в нем, являясь неотъемлемой частицей его самого...

* * *

В связи с тем, что за последнее десятилетие распространение и употребление наркотиков в России приняло угрожающие масштабы, грозя перерасти в неуправляемую стихию, в недрах спецслужб было создано секретное подразделение X-4, имеющее главной целью противодействие орга-

низованной преступности в этой сфере. Открытость границ, несовершенство законов, коррупция, полнейшее отсутствие профилактической работы и еще многое делали российский рынок весьма привлекательным для наркодельцов. Внедрение наркотиков растлеvalo государство изнутри. Делалось это нагло, цинично, открыто, превращая здоровую, в общем, нацию в общество, где целые поколения людей становились неизлечимо больными тяжелейшими психическими заболеваниями. В общество полудурков и самоубийц, недееспособных и опасных для окружающих.

Против этой страшной эпидемии и действовало подразделение X-4, основными задачами которого являлось: первое – обнаружение маршрутов крупных поставок наркотика через внешние и внутренние границы, выявление мест переработки сырца и производства искусственных, синтетических препаратов, с дальнейшим их уничтожением; второе – внедрение в наркомафию агентов, которые должны были вести как разведывательную, так и диверсионно-подрывную деятельность внутри преступных кланов; третье – выполнение более кардинальных задач по физическому устранению наиболее влиятельных лиц наркобизнеса. Подобные акции преследовали цель – либо спровоцировать междоусобицу среди самих картелей, что, по замыслу командования, могло привести к самоуничтожению этих сообществ; либо обеспечить деятельность агентов стратегического внедрения.

Для проведения акций ликвидации, или, как называли их

еще – актов возмездия, существовала специально подготовленная группа ликвидаторов, в которую в свое время входили капитаны Феликс Борисов, он же Феликс, 26 лет, и Виктор Грошев – Крот, 31 год. Строго законспирированные даже внутри подразделения, как боевая «двойка», они могли знать только своего непосредственного начальника и контактировать исключительно с ним. Уровень их профессиональной подготовки был очень высок, особенно в морально-психологическом плане, что обуславливалось спецификой работы. Последнее свое задание они получили от полковника Зотова Евгения Петровича – единственного человека в Службе, которого знали по званию и фамилии. Им предстояло внедриться в банду некоего Хасана – одного из крупных посредников в длинной цепи наркомафии, действующей в районе аула Арталык и одноименного ущелья на Большом Кавказе.

Задача ставилась предельно кратко и ясно – ликвидация Хасана, фактически являющегося поставщиком средств от реализации наркотиков бандформированиям, ведущим подрывную деятельность в Чечне.

Внедрение планировалось по двум направлениям. Виктор, он же Крот, под видом бездомного должен был отираться на вокзалах города и привлечь к себе внимание агентов, набирающих людей для сезонной, как они объясняли, работы на апельсиновых плантациях, а на самом деле отправляющих несчастных в самое настоящее рабство. В такую групп-

пу будущих рабов и должен был попасть Крот, и не просто попасть, а привлечь к себе внимание того «покупателя», который должен привести его именно к Хасану. Второе направление – Феликс – на вид более моложавый. Ему отводилась роль дезертира из войсковой части, дислоцирующейся недалеко от интересующего объекта. «Замордованному» старослужащими, ударившемуся в бега Феликсу предстояло «случайно» напороться на людей Хасана, которые находились практически в каждой ауле района. Активные «поиски» беглеца не принесут результатов, значит, и спишут рядового Борисова как пропавшего без вести. Таков вкратце был план командования по внедрению агентов-ликвидаторов в клан Хасана. Виктор исчез из города на вторую неделю своего «бомжевания». Не было, правда, стопроцентной гарантии, что Крот попал туда, куда было запланировано. Но в дальнейшем внедрение подтвердилось. Феликс шел к своей цели также по четко расписанному сценарию. Весной он призывается на срочную службу и направляется в нужную войсковую часть, где после прохождения курса доподготовки молодых водителей зачисляется в хоззвод. В части, где Феликс «начинал» службу, с дисциплиной, мягко говоря, было не все в порядке. «Дедовщина» имела глубокие корни и устойчиво переходила из призыва в призыв. Неуставные взаимоотношения как способ воспитания процветали. Что Феликсу было только на руку. Однажды он, солдат-первогодок, проводился в автопарке лишние полчаса и не успел на построение.

За что суровым сержантом был лишен ужина. Вдобавок тот пообещал молодому солдату показательное наказание. Вечером, после поверки, в каптерке собралась «элита» взвода – подвыпившие сержанты и несколько так называемых дедов. Феликса ждало неминуемое избиение. Но перед пьяной мразью стоял не напуганный мальчишка, а прекрасно подготовленный офицер спецслужб. После вынесения приговора не прошло и двух минут, как в глубоком нокауте оказались все присутствующие «инквизиторы». Больше всех пострадал старший сержант – заместитель командира взвода. Оглядев «поле боя», Феликс сориентировался быстро. Замять такое побоище было невозможно: всех пятерых придется серьезно лечить. Делать это будут, скорее всего, в местной больнице. Санчасть не справится, а до госпиталя далеко. Значит, рассуждал Феликс, слух о происшедшем распространится по окрестностям молниеносно, такого в части еще не было: «молодой» изметелил пятерых, испугался трибунала, ударился в бег. Угнать автомобиль из парка трудности не составляло. Легенда получилась сама по себе, ничего не надо было придумывать.

Феликс вел машину осторожно, все же дорога была горная. Карта местности прочно сидела у него в голове. Нужно выйти из десятикилометровой зоны и в ауле Барбак остановиться, где ждать дальнейшего развития событий. Что он и сделал. Ночь в кабине, в горной местности, удовольствие небольшое – холодно. Под утро вроде задремал. Очнулся от

стука в дверь и хриплого голоса:

– Эй, солдат, открывай!

На подножке кто-то висел и через стекло пытался рассмотреть спящего. Поворочавшись немного, Феликс выглянул наружу. Перед ним красовался чистой воды кавказец.

– Чего тебе? – спросил Феликс.

– Эй! Это тебе чего? Зачем стоишь, а?

Как бы приходя в себя и вспоминая вчерашнее, Феликс вылез наружу к опешившему абреку.

– Слушай, брат! Я в части там, ну знаешь, в райцентре, морды кое-кому набил да вот машину угнал по глупости, чтоб уйти подальше. Трибунал теперь светит. Не сможешь, брат?

Абрек ненадолго задумался, играя хитрыми, умными глазками.

– Ай! Зачем спрашиваешь? Зачем не помогу? Только вот с машиной что будем делать? Такой махин не спрячешь, – он с сожалением поцокал языком.

– Да в пропасть ее, на хрен. Только подальше от аула, рядом с дорогой. Пусть потом думают – не справился с управлением и улетел. Вниз они вряд ли полезут.

– Правильно говоришь, никто не ползет вниз. Подожди, я все устрою.

Он удалился, чтобы вскоре вернуться с группой односельчан. Те, не задавая вопросов, быстро что-то сняли с машины, откатали ее до поворота, где дорога наиболее близко подби-

рается к ущелью, и столкнули «Урал» в бездну.

– Теперь пойдем домой, – пригласил Ахмед, как представился знакомый абрек. – Пить-кушать будем, тебя никто не найдет.

Аул Барбак, как и десятки других аулов, разбросанных в окрестных горах, были поразительно похожи друг на друга. Дома-крепости, выстроенные из горного камня, обнесенные высокими заборами из того же камня, имели вид неприступный и далеко не гостеприимный. Поразительно было, как вроде бы хаотическое нагромождение зданий при более внимательном рассмотрении органично вписывалось в горный пейзаж.

– Заходи, – Ахмед пригласил Феликса в большой дом. – Мой дом – твой дом. Эй! – он выкрикнул какое-то замысловатое, явно женское имя, дальше пошла местная тарабарщина. С появлением на пороге женщины Феликс понял, что Ахмед отдает какие-то распоряжения своей жене. Закутанная в паранджу представительница горного племени внимательно слушала мужа, иногда кивая головой, затем быстро шмыгнула в боковую дверь этой каменной крепости. Ахмед с Феликсом зашли в просторную комнату, интерьером которой служила большая кошма; в углу, прямо на полу, стоял небольшой телевизор, рядом огромный сундук, на котором возвышалась гора одеял и подушек, в противоположном углу громоздился резной, ручной работы шкаф, очень старый, видимо переходящий в семье из поколения в поколение.

Ахмед бросил несколько подушек на кошму, пригласил Феликса прилечь, сказав, что жена сейчас принесет чаю.

– Слушай, Ахмед, а если наши сюда все же придут, соседи ничего? Не сдадут?

Ахмед слегка ухмыльнулся.

– Сдать тебя могу только я, но ты гость, мы будем есть один хлеб, пить одна вода, как я могу сделать гостю худо? Мамой клянусь, чтобы потом меня презирал весь народ? Так что будь спокоен. У нас свои законы, и мы их чтим, в отличие от вас, – он вновь ухмыльнулся. – Ладно, прости, я не хотел тебя обидеть – всякий народ чтит свои законы, только вот законы эти у всех разные, а нехороших людей у каждого народа много. Однако вы прощаете нанесенные обиды, мы же мстим.

Феликс был удивлен: Ахмед говорил почти без акцента и речь его была не лишена мудрости.

Жена внесла поднос с чайником и пиалушками, постелила клеенку, выставила на нее угощение и вышла так же незаметно, как и вошла.

Ахмед плеснул в пиалы чай, протянул одну Феликсу.

– Ахмед, у тебя, случаем, выпить чего не найдется? Не по себе мне как-то.

– Э! Зачем пить? Лучший кайф – это анаша, сейчас покушаем, раскумаримся, и все будет ништяк.

Принесенные женой Ахмеда жареные куски мяса съели быстро, затем перешли к анаше.

Ахмед со знанием дела забил косяк, смачно затянулся несколько раз, втягивая дым вместе с воздухом, передал папиросу Феликсу, тот проделал то же самое.

– Ахмед, что-то не берет анаша, кайфа никакого, только пустота в желудке.

– Ты, наверное, первый раз пробуешь, так бывает сначала, потом привыкнешь, будет и кайф... Ладно, – Ахмед встал, – у меня кое-какие дела в ауле, а ты устал, так что ложись вон у окна, отдохни. Приду, прикинем, что дальше делать.

Феликс лег на приготовленное прямо на полу ложе и сразу крепко уснул.

Проснулся он внезапно. За маленьким окном были уже сумерки.

На полу посередине комнаты лежали на кошке четверо мужчин.

Среди них Феликс сразу выделил двоих. Это были европейцы, возможно, русские.

При его пробуждении все четверо, как по команде, повернули к нему головы, пристально и бесцеремонно рассматривая его. Ахмеда среди них не было.

– Ну как, выпался? – спросил один из русских, что постарше.

– Да вроде нормально.

– Ну давай, Рэмбо, к столу, разговор будем вести.

– Умыться бы, а? – Феликс встал, потянулся.

Старший русский подал знак – значит, он здесь главный.

Один из лежащих абреков поднялся и махнул рукой – следуй, мол, за мной. Во дворе Феликс до трусов разделся и облился водой из чана, при этом он боковым зрением уловил, как внимательно рассматривает абрек его тело.

Вернувшись в дом, где для Феликса была брошена пятая подушка, оба прилегли.

– Ну, давай знакомиться. Ты – Феликс, это мы уже знаем, как знаем и твою историю с дезертирством, – начал старший русский, причем на слове «дезертирство» он явно сделал ударение. – Я Валентин, и хотя годками тебя постарше, без отчества; здесь так принято.

– Он, – Валентин указал на русского помладше, – Скок, просто Скок. Эти двое – представители гор – очень серьезные люди. Один Байрам, – Валентин указал на того бородача, который сопровождал Феликса во двор. – Другого зови Захар, да-да, не удивляйся, свое настоящее имя он и сам вряд ли выговорит. Вот и все, для начала достаточно. Выпей чаю, или чего покрепче налить?

– Можно, – согласился Феликс.

Скок разлил водку.

Феликс опрокинул в себя содержимое пиалы и почувствовал, как тепло разливается внутри тела, а на душе становится спокойнее и безмятежнее.

Разговор продолжил Скок, и по его жаргону Феликс понял, что он немалую часть своей жизни провел в местах лишения свободы.

– Был я сегодня в части, прапорок там один знакомый – от него все и узнал. Ну и шухер ты, братишка, там навел... Круто хавальники пятерым набил, как Рэмбо, в натуре. Прапор говорил, всех пятерых в больницу отправили. Был и в больнице, лежат мазурики все в гипсах да в бинтах. Тебя везде ищут. В общем, в «обратку» тебе хода нет, те, которые в больнице, – тяжелые, особенно один, с проломленной крышей, если он ласты склеит, тебе кранты – это точняк. Так что кумекай, как дальше быть.

– Сам не знаю, что делать. Они же везде меня искать будут, хотя где им меня поджидать, не в детдоме же?

– А ты что, Феликс, детдомовский? – с интересом спросил Валентин.

– Да.

– А родня: отец, мать, братья, сестры?

– Никого не помню, в детдоме говорили, что дом наш от газа взорвался и сгорел вместе со всеми, кто там был. А я, мне тогда три года исполнилось, в саду в гамаке спал. Пока спал, все и сгорело. Как в детдом передавали, кто, что, не помню – малец был. Так что отсчет жизни от детдома и веду.

– Да! Ну ладно, жаль, конечно, родных, ты извини за вопрос, давай, коли так, помянем.

Скок вновь разлил в три пиалы. Молча выпили. Валентин продолжил разговор, похожий больше на допрос.

– Да, положение у тебя незавидное, но не безнадежное. Хорошо, что ты попал сюда. Здесь те, кто тебе сейчас больше

всего нужен, а ты, быть может, нужен им. – Валентин смотрел на Феликса.

Голос подал Скок:

– А где это ты так руками махать научился, что свободно пятерых кладешь?

– Да больше ногами, чем руками, а вообще специально нигде не учился. Детдом учил – там порядки суровые, улица учила. Местные-то нас, детдомовских, особо не привечали, все норовили задеть да задрать, вот и учился на практике.

– А сколько тебе годков? – вдруг спросил Скок.

– Двадцать пять, двадцать шестой пошел.

– Ни хера себе, а чего же ты в армии в сынках-то ходишь?

Поздновато что-то ты попал на службу.

– Все просто, в девятнадцать лет я попал под машину, здорово меня тогда переломало, год, считай, провалялся. Ну вот, вызывали повесткой, медкомиссия браковала из призыва в призыв, пока военком не сменился. Я к двадцати пяти годам нормальным уже стал, в смысле физически. Надеялся, что проскочу и на этот раз; вроде все уже привыкли, что не годен, но – призвали. Спасибо, корочки водительские за счет военкомата получил.

– Сними одежду, – скорее приказал, чем попросил Валентин.

– Э, Валентин, не надо, он когда мылся, смотрел я спина его, грудь, ноги – есть шрамы, есть, и переломы заметны, давнишние, примерно того времени, как говорит, – прервал

его Байрам. – Я знаю, видел.

– Ну, что ж, ладно, коли так. Ну, чего нахохлился? – бросил Валентин Скоку. – Наливай на посошок, да и тронемся.

Джип, в который поместили Феликса, медленно продвигался вперед. Судя по тому, как надрывно работал двигатель, их путь лежал вверх, в горы. Сильно тонированные стекла и спустившаяся ночь не позволяли что-либо рассмотреть. Водитель, которого Валентин представил как Захара, угрюмо вел машину и к разговору расположен не был. Попутчики Феликса, удобно устроившись в уютных креслах джипа, мерно посапывали. И он решил сделать то же самое, но сон не приходил. Феликс стал анализировать ситуацию.

То, что он попал в нужное место и к нужным людям, почти не вызывало у него сомнений. Жители аула не могли не соприкасаться с делами Хасана.

Как бы ни жил аул, непосредственно работая на Хасана или самостоятельной жизнью, в любом случае беглец не остался бы без внимания наркодельца.

Да и по тому, как вели себя гости в доме Ахмеда, выходило, что гостями они себя не чувствовали, скорее хозяевами, временно заглянувшими в свои владения. Об этом говорит и то, что обслуживал гостей сам Ахмед.

Джип уверенно продвигался по серпантину, по-прежнему забирая вверх.

Феликс начал дремать. Но через несколько минут джип въехал в аул и остановился напротив самого большого дома.

– Все, приехали, выходи, – скомандовал проснувшийся Валентин.

– Феликс! Иди сюда, – приказал Захар.

Обогнув машину, Феликс подошел к абреку. В ту же секунду острая боль пронзила все тело, голова взорвалась, разлетевшись на тысячу мелких осколков, и он потерял сознание, успев услышать чей-то приказ: «В подвал его, камера № 6...»

Очнулся Феликс от давящей боли в груди: он был буквально прибит бревном к стене. На руках наручники и цепь, вделанная в стену. Пленник хотел повернуть голову и оглядеться, но дикая боль чуть вновь не лишила его сознания. Тело было чужим, все онемело, ноги, казалось, распухли, были согнуты в коленях и сверху зажаты колодками, ступни, скорее всего, связаны – не видно. Все в нем протестовало против несправедливости и жестокости наказания.

Ночь длилась невыносимо долго.

Ушат холодной воды привел его в чувство: Феликс с трудом, но стал различать предметы. Боли уже не было, как не было и самого тела, он его не чувствовал. Перед ним сидел на корточках Валентин, внимательно глядя прямо в глаза.

– Ну, как себя чувствуешь? – спросил он без тени иронии, даже как-то сочувственно.

– А не пошел бы ты...

– Поверь, я не виноват в твоём заточении, через это проходит всякий сюда входящий.

– И что, все выживают? – прохрипел Феликс.

– Нет, не все, – ответил серьезно Валентин. Он обернулся, подал какую-то команду, и в камеру протиснулся неизвестный Феликсу бородач. Намерения его были миролюбивы: по команде Валентина он освободил Феликса от оков. – Приходи в себя, – сказал Валентин. – Постарайся восстановиться как можно быстрее, тебе принесут пищу. В общем, готовься, за тобой придут.

Прошло около часа, руки и ноги ожили. Голова, правда, немного кружилась, но молодой организм быстро набирал прежнюю форму.

Детина поманил на выход. Солнечный свет на выходе из погреба сразу ослепил Феликса. Привыкнув, он огляделся: пленник стоял в центре двора, окруженного со всех сторон каменными строениями.

Одним из них был жилой дом. На крыльце стоял Валентин, он жестом поманил Феликса к себе.

– Ну что, пришел в себя?

– Так, более-менее.

Валентин стоял, облокотившись на перила крыльца, и молчал, будто что-то обдумывая.

– Ты сейчас встретишься с человеком, – наконец произнес он, – от беседы с которым во многом зависит твоя дальнейшая судьба, а может быть, и жизнь. Его зовут Хасан, и человек он далеко не простой, каким может показаться с первого взгляда. Он очень хитер и проницателен, так что мой

тебе совет: держи ухо востро, разговор поддерживай ничего не значащими фразами, обиженного из себя не строй, постарайся если не приглянуться ему, то хоть расположить к себе; на вопросы, ответы на которые однозначно дать не сможешь, отвечай расплывчато, тем самым подвигая его пофилософствовать, он это любит, а вообще смотри сам – по обстановке.

– Слушай, Валентин, с чего бы ты так беспокоился обо мне, какая тебе разница, что со мной произойдет?

– Эх, Феликс, Феликс, если все пройдет сегодня нормально, я, может, и скажу тебе, какая мне разница, а пока жди здесь и помни: Хасан – человек опасный и непредсказуемый, но если ты сумеешь его расположить к себе, то на ближайшее время у тебя будет будущее. Словом, удачи тебе, а сейчас жди здесь. – И Валентин вошел в дом.

Значит, все-таки Хасан. Все сошлось: агент там, где ему и следует быть. Теперь надо сосредоточиться: разговор, вероятно, будет непростой, если Валентин провел такой инструктаж.

Ожидание не затянулось. Уже через несколько минут пленника вызвали в дом.

Феликс увидел по-европейски обставленную комнату, скорее кабинет, с большим письменным столом, компьютером, кондиционером, мягкой мебелью – в общем, интерьер походил больше на современный офис удачливого бизнесмена. Сам хозяин производил странное впечатление: взгляд у него был какой-то ненормальный, горящий. Такие глаза он

видел впервые.

Человек пристально смотрел Феликсу в лицо, и от этого взгляда последнему стало не по себе.

– Как вы провели эту ночь, молодой человек?

– А как я ее мог провести, закованный в кандалы? Провел как-то. Только эта ночь была, наверное, самой длинной в моей жизни.

– Хм, да, постель вам досталась далеко не идеальная, но так уж здесь заведено: каждый вновь прибывающий должен пройти через такое профилактическое наказание, дающее понять, что будет с тем, кто проявит своеволие и неповиновение. И это еще не самый суровый вид наказания. Здесь существует целая система принуждения, через которую я вам не советовал бы пройти.

Хасан задумался, отведя взгляд куда-то в сторону, и пауза немного затянулась. Но долго молчать, видно, было не в привычке Хасана, и он продолжил:

– Скажите, что вы чувствуете, стоя здесь, передо мной?

Вопрос был странным и неожиданным. Феликс пожал плечами. Он помнил, какую роль ему следует играть:

– Ну, я не знаю, что и сказать. Сам не пойму свое состояние. Наверное, как провинившийся ученик перед учителем, как-то неловко, даже не знаю почему, грешков-то за мной перед вами вроде никаких нет.

– Ты верно подметил, – как-то незаметно Хасан перешел на «ты». – Как ученик перед учителем. Перед Учителем, –

он многозначительно повторил это слово, – ибо Я и есть Учитель. Вершитель. От меня, от одного моего слова, может решиться судьба любого находящегося здесь человека, решиться без всякого суда – ибо Я и есть здесь высший суд, Я устанавливаю порядки и законы, по которым здесь все живут, только Я. Волею судьбы мне предначертана эта миссия – управлять и повелевать, казнить и миловать по своим законам.

Красноречие явно доставляло ему удовольствие, и надо отдать должное, он умел говорить.

– Тебе, наверное, интересно: где ты? Не в географическом, конечно, плане, а в смысле системы, куда ты попал? Тебя интересует многое, что происходит вокруг, но ни на один вопрос ты не находишь ответа. Меня, конечно, ты считаешь сумасшедшим, – он поднял руку, как бы запрещая Феликсу возражать. – Более того, ты меня ненавидишь за прошедшую мучительную для тебя ночь. О! Сколько раз мысленно ты убивал меня, рвал на куски, придумывая изощренные пытки, которым с удовольствием бы меня подверг. Так было. Ты ненавидел меня и в то же время боялся, страх охватывал тебя со всех сторон, вспышки гнева сменялись вспышками ужаса, и все это сопровождалось невыносимой болью. Разве не так?

Феликс вновь пожал плечами и хотел что-то сказать, но Хасан его опередил:

– Так. И ты это знаешь лучше меня. А главное: все твои эмоции были адресованы человеку, которого ты ни разу не

видел. Но он был, этот ненавистный тебе человек, раз с тобой происходило то, что происходило. Значит, ты ненавидел какое-то воображаемое существо. Вот в чем моя сила. Меня не было рядом с тобой во время твоих мучений, но ты ненавидел и боялся меня – это доказывает невидимую связь между нами, которую я установил благодаря своим способностям. И Я управлял твоими эмоциями, управлял так, как находил нужным, сменяя гнев на слабость, заставляя тебя желать мне смерти и тут же вызывая в тебе готовность молить меня о снисхождении. И теперь ты полностью в моей власти, и только мне решать: как сложится твоя жизнь и сложится ли она вообще.

Вот величайшее наслаждение властью, величайшее предназначение великих людей – повелевать, безраздельно править, создавая свои собственные законы! Только при такой неограниченной власти воцарится порядок, и все встанет на свои места. Рожденный рабом будет рабом, он будет работать и создавать условия для жизни тех, кто выше его, кто рожден быть хозяином. И никакого капитализма или социализма – обществ, которые медленно губят мир.

Ты можешь поспорить со мной, что сейчас иные времена и рабство похоронено в прошлом. Но оглянись вокруг, посмотри на мир: капитализм имеет своей основой эксплуатацию человека человеком ради блага сравнительно небольшой кучки людей.

Ты можешь противопоставить мне другую формацию –

социализм, но и здесь практически та же система эксплуатации и социальной несправедливости, даже более жесткая, поддерживаемая карательными методами, достаточно вспомнить режимы Гитлера, Сталина, Пол Пота – и опять-таки имеющая цель создать правящую верхушку, которая безраздельно властвует. О коммунизме я и не говорю – это утопия, в чем никто уже не сомневается. Мир живет в устоявшейся системе эксплуатации одних другими и жить иначе не может.

Возьмем, к примеру, тебя. Ты, как мне известно, детдомовский. Разве ты был поставлен в равные условия с растущими рядом детьми? Нет! Они были окружены лаской и заботой, ты же вынужден был выживать в одиночку. А чем они, эти обласканные, лучше тебя? Только тем, что у них есть родители?

А твои драки в детстве, что это было? Детские забавы? Нет, это было твое самоутверждение, и когда ты побеждал, ты испытывал животное чувство удовлетворения, видя поверженного противника, ты был лучше, сильнее и мог требовать от него повиновения, это доставляло тебе удовольствие; удовольствие, заметь, основанное на беспомощности и страданиях противника. Так и в остальной жизни – ты идешь к намеченной цели через несправедливость окружающего тебя мира. Ты не можешь пробиться, чтобы занять подобающее тебе место в жизни по твоим способностям, интеллекту, из-за бесчинства, равнодушия разного рода бюрократов. Чем ты

хуже их? Почему ты должен «пахать», а они благоденствовать? Разве это справедливо? Нет. Вот почему я имею полное право утверждать, что мир изначально несправедлив, и он не может существовать в хаосе, который творится сейчас повсеместно. В мире должен быть порядок и люди, способные этот порядок навести и, самое главное, его удержать. И такие люди есть – пока ты видишь только меня, одного из представителей будущего руководства, поставившего перед собой цель – изменить мир, вернуть его в русло покорности и повиновения. Расставить все по своим местам.

Ты когда-нибудь близко соприкасался с наркоманом? Внешне это обычный человек, пока в нем сидит доза. Когда кончается ее действие, человек меняется. Он теряет человеческий облик, ему необходимо принять новую порцию наркотиков, чтобы стать прежним. И для того, чтобы достать дозу, он готов на все. Страх перед ломкой гонит его дальше в бездну наркомании. Он становится послушным орудием в руках поставщика наркотика.

Наркоману не важно, кто стоит во главе государства; даже то, в каком государстве он живет. Наркомания интернациональна. Больного не интересует ни политика, ни общественное мнение, его вообще ничто не трогает, кроме вечной проблемы: где взять дозу. Дай ему эту дозу – и ты его хозяин, он твой раб. Тебе наверняка интересно знать: зачем я тебе все это говорю? – Хасан словно прочитал мысли Феликса. – И ты вправе задать мне такой вопрос. Но ты молчишь, ты слу-

шаешь, и это мне по душе. Видишь ли, ты попал сюда благодаря случаю, не так, как обычно попадают ко мне люди, если можно назвать людьми тот сброд, который давно уже потерял человеческий облик. Тебя же привела ко мне судьба. Привела через многие испытания. Главное, в тебе уже заложено противодействие существующей власти, ибо жизнь сама распорядилась так, чтобы ты возненавидел те порядки, которые установлены для всех, но служат только избранным. Ты не смирился, когда подвергся насилию со стороны власти, а вступил с ней в бой – с властью в лице воинских начальников, и предпочел опасную свободу безопасному унижению. Вот почему я вижу в тебе человека, которого можно сделать единомышленником, при определенном воздействии, конечно. Для выполнения наших планов нам нужны личности сильные, неординарные, способные на Поступок. Вот поэтому я и веду с тобой этот разговор, объясняющий тебе нашу цель.

– Извините, – наконец Феликс смог вклиниться в этот монолог, – я не хотел вас перебивать, но мне до конца не понятно, какими же методами вы собираетесь перевернуть мир, если отвергаете прямое насилие как способ достижения цели? Неужели весь расчет строится на распространении наркотиков? Но что, по большому счету, это даст? Ведь на Западе уже давно стоит проблема наркомании, и ничего подобного, я имею в виду смену власти, там не происходит?

– Я отвечу, – Хасан медленно прохаживался по кабине-

ту. – Да, Запад давно борется с наркоманией, и поэтому, естественно, в тех странах уже выработана система противодействия, довольно отлаженная система, но все же малоэффективная, как и вся борьба с наркотиками. Просто Запад не является нашим стратегическим направлением. Наши взоры обращены на Восток. Направление нашего главного удара – Россия с ее соседями. Те перемены, которые осуществляются в обществе, привели к смене государственного строя, к падению империи со всеми вытекающими отсюда последствиями. Обрати внимание на молодежь. Ей долго вдалбливали коммунистические догмы, от которых всех уже тошнило. Практически все, что на Западе считалось нормальным и естественным, в России было аморальным, запрещенным. Когда такая запретиловка ушла в прошлое, молодежь, как голодная собака, сорвавшаяся с цепи, бросилась в так называемую свободу, отменяя моральные и нравственные нормы, отвергая Закон, провозглашая анархию. А это то, что нам надо. Путем внедрения наркотиков в эту благодатную среду мы подчиним себе волю большинства этой самой молодежи, мы установим свой контроль над ней и через нее воздействуем на институты власти. Со временем, когда нынешняя молодежь по возрасту подойдет к проблемам управления Государством, во главе ее будем мы. А значит, и во главе самого Государства, так как все рычаги воздействия на этих людей останутся по-прежнему у нас. Уже первые поставки героина в Россию дали ошеломляющие результаты. О таком спро-

се мы даже мечтать не могли, и уже сейчас можно смело говорить о том, что наши расчеты верны и стратегия выбрана правильно.

– Но, извините, что перебиваю вас, ведь наркотик не только подчинит вам людей, но и погубит большую их часть, тогда кем управлять и повелевать?

– А я вижу, Феликс, ты не глуп и далеко не прост. Вопрос, который ты задал, конечно, неизбежно встанет перед нами. Но! Как только цель будет достигнута – я имею в виду приход к власти через наших клиентов-избирателей, – ситуация кардинально изменится. Руководить страной конечных наркоманов мы не собираемся. Нет! После прихода к власти мы объявим жесточайшую борьбу не только с распространением, но даже с употреблением наркотиков. Закроем все маршруты доставки их в страну, начнем наводить порядок. Такой порядок, который после наркотического беспредела народ воспримет как великое благо. Девиз «Спасение Нации» – и всенародная любовь, а также безграничное доверие нам обеспечены. И тогда начнется эра нового порядка, нашего порядка.

– А что будет с теми, кто приведет вас к власти? С теми самыми несчастными наркоманами?

– О них не думай. Они сделают свое дело и уйдут, причем уйдут тихо, сами. Ведь наркоман долго не живет. Так что с ними проблем не будет, а если и возникнут, то мы решим их жесткими административными мерами, опять-та-

ки во имя здоровья нации. И, поверь, народ будет рукоплескать нам... Вот так, Феликс. Судьба забросила тебя сюда, дала шанс участвовать в великих делах, но тебе, естественно, потребуется время, чтобы все осознать и принять решение. Я даю тебе это, как милость. Только несколько человек получили такую возможность – принимать решение самостоятельно: либо быть на моей стороне и полностью мне принадлежать и, в конце концов, рассчитывать на будущее; либо, отвергнув все, о чем я говорил здесь, отправиться в общество отверженных рабов. Третьего не дано.

Но и в случае принятия решения в пользу моего предложения – я сразу предупреждаю – ты не сразу будешь членом команды. Чтобы стать таковым, придется не раз доказывать делом искренность своих намерений, что будет отнюдь не просто. Все! На этом можно и закончить нашу ознакомительную беседу, тебя сейчас встретит и проводит Валентин, который, кстати, и порекомендовал тебя как стоящий объект для работы, он и дальше будет курировать тебя. Да поможет тебе Аллах!

Хасан отвернулся от Феликса, тем самым показывая, что аудиенция окончена и гостю пора покинуть помещение.

Выйдя во двор, Феликс столкнулся с Валентином, который явно поджидал его:

– Ну что, молодой человек, как тебе наш хозяин? Хорош, не правда ли? – Взяв Феликса под локоть, он повел его от дома в сторону винного погреба. – Согласись, неординар-

ная личность Хасан, – продолжал Валентин. – Я, конечно, не знаю, о чем конкретно он с тобой разговаривал, да и у тебя не спрашиваю. Наверняка много философствовал о несовершенстве существующего мира. Хасан очень противоречивый человек, в чем ты не раз будешь иметь возможность убедиться. Поэтому не расслабляйся, ни с кем не откровенничай, бери пример с представителей местной общины – у них простого слова не вытянешь, тем более лишнего.

Сейчас ты вернешься в погреб, нет-нет, не туда, где ты провел ночь, – поспешил успокоить Валентин, видя, как Феликс напрягся, – по соседству, но в более сносные условия, где все хорошенько обдумаешь, проанализируешь. И помни, при любом раскладе легкой жизни не жди и особых иллюзий в отношении расположения к тебе Хасана не строй. Сегодня он обласкал тебя – завтра же может уничтожить.

За дверью оказалась вполне прилично обставленная камера, по сравнению с предыдущей, конечно. В углу стояла кровать, рядом с ней укомплектованная тумбочка и немного дальше стул со столом. К тому же в камере был свет, который включать и выключать мог он сам, а это уже переводило камеру в разряд комнаты.

Наскоро пообедав, Феликс прилег на кровать. После беседы с Хасаном ему было о чем подумать. Но усталость и внутреннее напряжение все же взяли свое...

Сколько проспал Феликс, он определить не смог: окон в погребке не было, часов тоже, но по тому, что он чувствовал себя значительно посвежевшим, видимо, спал долго. Он включил свет и заметил, что посуда со стола убрана, а вместо тарелок лежала пачка сигарет «Бонд», зажигалка и какое-то подобие пепельницы, сделанной из панциря черепахи. Сигареты были кстати, Феликс с удовольствием затаился и, опустившись на кровать, предался размышлениям.

В целом впечатление от беседы с Хасаном было удручающим. То, о чем он с таким пафосом говорил, на самом деле имело страшный смысл.

Феликса не покидала мысль, что он упустил шанс удавить этого гада еще там, в кабинете. Но сейчас, проанализировав ситуацию, которая складывалась во время беседы, он пришел к выводу, что ничего не смог бы сделать, не имея при себе оружия. Все время их разделял широкий стол, а створки дверей были немного приоткрыты – и там, за створками, в этом Феликс не сомневался, была охрана. Попробуй он что-нибудь предпринять – его бы тут же и завалили. Так что в этой ситуации он был бессилён что-либо сделать.

Но какой же мерзавец этот Хасан! Он прекрасно понимает, какой страшный, губительный вред наносит людям. И акцент на молодежь сделал совершенно верно. Сейчас, ко-

гда страна ослабла экономически и, как следствие, морально, когда молодежь обрела так называемую свободу, именно сейчас ей подсовывают всякую дрянь, начиная от легкой и, казалось бы, безобидной анаши, кончая героином и всяческой синтетикой, которые в очень короткие сроки превращают нормального, здорового человека в животное без разума, совести, малейшего понятия о чести. Можно даже сказать: в жертвенное животное, ибо наркоман, как и жертвенный баран, обречен на смерть – смерть мучительную. И ущерб от деятельности таких вот хасанов измеряется не только количеством наркоманов, но и трагедией людей, которые напрямую связаны с этими несчастными, которые так же жестоко, если не больше, страдают, видя этот ад. Это похлеще ядерного взрыва: там пройдут четыре поражающих фактора, и постепенно жизнь возобновится, цепная же реакция наркомании не останавливается и продолжается бесконечно, пока не будет поставлена непреодолимая преграда этой заразе или не будет найдена панацея от этой беды. И если сильный человек еще может прийти к власти и объявить жестокую, бескомпромиссную войну наркомафии, то панацею создавать просто не будут: слишком большие деньги приносит этот бизнес. Бизнес, который в глобальном масштабе несет гибель всему человечеству. Но кому будут служить эти грязные деньги, когда на планете вымрет последний человек, как вымер когда-то последний динозавр?

Наркодельцы живут только сегодняшним днем, исповедуя

принцип – «после меня хоть потоп». Главное – деньги, деньги сейчас, немедленно. Эти дельцы не имеют права на жизнь за счет здоровья и жизней других людей, и вот почему он, Феликс Борисов, здесь. Для того чтобы нарушить главную божью заповедь – не убий. Нарушить ради спасения тысяч людей, и господь простит его во имя этой святой цели.

Наутро Феликса разбудил Валентин. После утреннего мочiona и вполне приличного завтрака он предложил вместе прогуляться по окрестностям с целью ознакомления, так сказать. Они вышли за пределы аула и побрели по тропинке, ведущей в небольшую рощу.

– Вот что, Феликс, – начал Валентин. – Ты сумел произвести впечатление на Хасана – хорошо это или плохо для тебя, – но сумел. Я после вашей беседы был у него. Он Скока вызвал и долго допытывался про подробности твоего побега: ищут ли тебя и насколько серьезно поставлены поиски? Что бы это значило – пока не знаю, скорее всего, он просто хочет убедиться в правдивости всего, что с тобой произошло. Также Хасан спросил мое мнение о том, как тебя использовать. Я рекомендовал тебя в охрану, конечно, после соответствующей подготовки, но подготовка тебе особо и не нужна. – Он как-то странно посмотрел на Феликса. – Хасан на мое предложение согласился, так что привыкай к тому, что в ближайшее время ты будешь охранять самого Хасана – честь для новичка немалая. Я, как начальник этой охраны, введу тебя во все подробности службы, но это потом, сейчас хочу

поговорить о другом. Ответь мне: ты действительно тот, за кого себя выдаешь?

Вопрос был неожиданным и застал Феликса врасплох.

– Это провокация, Валентин? Один из способов проверки? Ну был бы я кем-то другим, что, я прямо бы так и раскололся? Нет, Валентин, к сожалению, я тот, кто я есть, весь перед тобой и Хасаном, а почему сожалею – да потому, что мог бы сейчас быть другим и в другом месте, а здесь мне полюбому хана – вопрос лишь во времени. Разве я не понимаю, что нужен Хасану как забава, послушная игрушка, которая может в любое время надоесть? Все я понимаю. Так уж судьба распорядилась, и обратного хода мне нет.

Валентин внимательно выслушал речь Феликса:

– Ты знаешь, почему я спросил тебя о том, кто ты на самом деле? Отнюдь не для того, чтобы слушать твои причитания, – они тебе не к лицу, а потому, что слишком большая разница между тобой сегодняшним и тем сопляком дезертиром, которого я впервые увидел и услышал в доме Ахмеда. Сейчас ты мыслишь категориями скорее офицера, а не солдата-первогодка, и при этом, по твоему признанию, никакого образования нигде не получил? Для меня очевидно, что не все из своей биографии ты рассказал, наверняка в ней есть много такого, что ты скрываешь, но в принципе это дело сугубо личное, не хочешь – не говори. Все дело в том, что если я почувствовал в тебе неладное, то уж Хасан при более тесном контакте расколется тебя мгновенно. Человек он недо-

верчивый, и если сомнения поселятся в его голове, результат для тебя может быть плачевным. Так что делай выводы.

– Что же мне, как в кино, играть роль, интересную Хасану? Но я не артист, я тот, кто я есть, и Штирлица из меня не получится.

– Феликс, если человек стремится к какой-то важной для себя цели, то он использует все возможности, в том числе и учится быть актером, так что научишься играть похлеще любой кинозвезды, если, повторяю, у тебя есть цель. Просто будь самим собой, только соблюдай элементарную осторожность, если хочешь жить. А теперь давай о делах наших служебных.

Охрана Хасана, – повел инструктаж Валентин, – состоит из двух, так скажем, эшелонов.

Первый – внутренняя охрана из трех ближайших родственников, фанатично ему преданных; они находятся с ним неотлучно и круглосуточно.

Второй эшелон – внешняя охрана, то есть мы – я, ты и еще двенадцать человек. Служба поставлена так: восемь часов непосредственно охрана – нахождение в том месте, где определяю я. Следующие восемь часов – это резерв: все четверо сгруппированы в одном месте, готовые в любую минуту оказать поддержку тем, кто осуществляет непосредственное охранение.

И наконец, остальные восемь часов – сон или отдых по собственному усмотрению, но так, чтобы к первой смене

быть готовым во всеоружии. Есть еще несколько бойцов на случай экстренной необходимости и для замены основных охранников на время суточного отдыха, который предоставляется раз в неделю. Вот, в принципе, вся система охраны, она примерно такая же, как и в войсковом карауле, только караул мы несем бессменно. Этот порядок охраны действует, когда Хасан находится в своем доме, если же он отправляется куда-нибудь, то применяется другая система охраны, более приближенная к боевой.

И хотя покидает он свое гнездо не так часто, но покидает: сейчас, например, недалеко отсюда ведется строительство нового дома, и он иногда посещает его. На этот случай и действует другая система охраны. Рядом с Хасаном – три его незаменимых родственника, а в радиусе примерно шести-восьми метров от него следует остальная группа, численность которой определяется по необходимости, в доме же всегда остаются двое. Теперь об оружии: все бойцы внешней охраны вооружены пистолетами «ПМ», у троих непосредственных телохранителей – короткоствольные автоматы. Причем самое главное – запомни, от этого может напрямую зависеть твоя жизнь – если один из внешних охранников внезапно достает оружие, то телохранители Хасана немедленно открывают по нему огонь на поражение – это требование хозяина. Как видишь, он не доверяет никому, даже собственной охране.

– Ну а если кто-то из охраны увидит внезапную опасность,

он что, так и будет стоять, как истукан, и не сможет применить оружие? Тогда на кой черт вообще таскать с собой пистолет?

– Открыть огонь он сможет, но только после моей команды.

– Но ведь можно и не успеть!

– Не успеть нельзя – если ты вдруг увидишь опасность, непосредственно угрожающую жизни Хасана, то немедленно голосом даешь знать об этом. И только после того, как Хасан рухнет на землю и его накроют собой родственники, я имею право отдать команду открыть огонь, причем лежащая команда хозяина будет держать на прицеле не нападающих, а нас с тобой – представителей собственной внешней охраны. Если ты направишь ствол в сторону Хасана, пусть машинально, то тут же получишь свою порцию свинца. Хотя, по большому счету, ожидать какого-либо серьезного нападения даже теоретически не приходится, у Хасана столько покровителей и осведомителей на разных уровнях, что он будет извещен заранее и, скорее всего, предпочтет тихо исчезнуть. Словом, эти формальности – сплошная ерундистика, которой мы, однако, должны неукоснительно следовать.

– Что ж, раз так, то мне, в принципе, без разницы, только я свой пистолет засуну как можно подальше и сигареты с зажигалкой буду носить под панамой, чтобы какому-нибудь малахольному бородачу не взбрело в голову сдуру замочить меня.

– Не паясничай – Хасан строго следит за соблюдением всех правил, лично им введенных.

Они вошли в аул и направились к небольшому зданию, напоминающему барак, с длинным коридором и расположенными налево и направо комнатами, в одной из которых предстояло теперь жить Феликсу. Занятия, сравнимые с курсом молодого бойца среднего спецназа, заняли всего лишь два дня. В ходе их основное внимание уделялось огневой подготовке и изучению плана аула Арталык и близлежащей местности. Феликс успешно справился с экзаменами, устроенными Валентином, и был включен в так называемый второй эшелон. Сама служба Феликса особо не обременяла. Его задачей на посту было наблюдение за небольшой улочкой, ведущей к главному дому. По большому счету, Феликсу предстояло пялиться на пустую улицу все восемь часов. И так ежедневно. Дни потянулись за днями, и сколько бы продолжалась такая тягомотина, не знал никто, если бы не трагический случай, который резко изменил ситуацию.

Наутро, когда Феликс, как обычно, готовился заступить на пост, его внезапно вызвал к себе Валентин. У него уже находился Скок.

– Так, сегодня график твоей службы меняется, – начал Валентин сразу после приветствия. – Ты знаешь о строящемся доме? Хасан решил произвести осмотр стройки. Поэтому Скок, ты и еще четверо бойцов, – он назвал имена, – будете его сопровождать. Я, естественно, руковожу вами.

– Все понятно, начальник, прогуляем шефа как надо. Ну че? Пошлепали, Феликс? Ну, бля, и имя у тебя, как у Дзержинского, в натуре, – Скок похлопал бойца по плечу, и они вышли на разогретый солнцем двор.

Группа охраны, назначенная Валентином, собралась возле закрытых ворот, ведущих в главный дом.

Калитка отворилась, вышел Валентин и жестом подал команду всем подойти к нему.

Вскоре из дома вышел Хасан в сопровождении трех телохранителей. Феликс видел их впервые и обратил на них особое внимание.

Они были словно на одно лицо: одинаково лысые головы (что было заметно, несмотря на каракулевые шапки); одинаковые черные с проседью бороды и усы; цепкий и хищный взгляд безжалостных глаз под нависшими черными бровями. Внешне кавказцы были крепко сложены, ни намека на выступающие животы, в отличие от Хасана, у которого такой вальяжно свисал с низко посаженных брюк. Волосатые руки сжимали короткоствольные автоматы, причем планка предохранителя, по крайней мере у одного из них, была переведена на автоматический огонь, это профессиональным взглядом зацепил Феликс. Да, ребята серьезные, поджарые, готовые немедленно действовать. Прав был Валентин: от них лучше держаться подальше, эти начнут мочить, не задумываясь.

Хасан вяло поприветствовал группу охраны, наклонив

голову, медленно двинулся вперед, окруженный плотным кольцом своих абреков-родственников, иногда переговариваясь с ними, но так, что услышать их было невозможно. Группа внешней охраны рассредоточилась согласно инструкциям Валентина и также двинулась вперед, создав внешнее кольцо вокруг Хасана.

Строящийся дом находился сравнительно недалеко от аула, и путь к нему проходил через поселение рабов.

В воображении Феликса это место ассоциировалось с чем-то наподобие концлагеря: колючая проволока, вышки по периметру, охранники с собаками, но все оказалось значительно проще. Поселение представляло собой два довольно длинных барака-казармы с очень маленькими окнами, такими, что даже ребенок не смог бы пролезть через них. Входной дверью служили ворота, закрывающиеся на засов извне. Сейчас, когда внутри никого не было, ворота были распахнуты, и Феликс увидел несколько рядов двухъярусных нар. Между казармами находилось небольшое помещение, которое могло служить как жильем для надзирателей, так и обычной кухней.

Надо признать, место для дома Хасан выбрал более чем удачно. Строящийся дом по замыслу хозяина должен был вписаться в отвесную скалу и являться ее основанием, составной частью, поэтому строительство велось из камня, который добывался тут же.

«Какой же это адский труд, – подумал Феликс, – каждый

камень нужно выдолбить, перенести, а весит он немало, да установить правильно и все вручную, никаких подъемных или других вспомогательных механизмов».

Когда группа с Хасаном подошла вплотную к площадке, навстречу выбежал человек, одетый во что-то похожее на форму, при нем была большая плеть, а на ремешке свисала дубинка.

– Начальник охраны рабов, – шепнул Феликсу Валентин. – Скотина, каких еще поискать, сам бывший раб, пробился в начальство, теперь выслуживается как может, из кожи лезет.

Феликс перевел взгляд на начальника рабов.

Подбежав вплотную к кольцу внешней охраны, тот внезапно остановился, не делая никаких подвижек в сторону Хасана, – видно, знал дистанцию.

Докладывал он быстро и четко, по заранее разработанному порядку, смотря на Хасана преданно-собачьим взглядом. Выслушав рапортующего, Хасан слегка кивнул головой, и тот поспешно, с бьющей по ногам дубинкой побежал обратно к стройке, откуда уже выходил другой человек. По тому, как спокойно он направлялся к Хасану, можно было предположить, что это и есть начальник строительства. Хасан направился ему навстречу. Валентин дал команду подчиненным оставаться на местах. Поравнявшись с начальником строительства, Хасан пожал ему руку, и они отправились в сторону строения.

Внешняя охрана осталась как бы не у дел, и Феликс решил поговорить с Валентином.

– Командир, мы можем поговорить? Или инструкцией это запрещено?

– Говори.

– Ты недавно сказал, что начальник местной охраны сам бывший раб. Что это значит?

– Значит, что местная охрана набирается из бывших рабов, которые смогли проявить себя, доказали свою полную преданность хозяину и стремление быть лучшими из рабов. Представляешь, какое сочетание – лучший из рабов! Сюда доставляют рабочую силу со всего света, и все они люди разные: есть опустившиеся сознательно – алкоголики, начинающие наркоманы, погнавшиеся за своей дозой к черту на кулички, но последние, как правило, долго здесь не живут – работа их быстро изводит. Есть и такие, с которыми жизнь обошлась так же несправедливо, как с тобой, и те, кого заманили по «глупости». Доверчивые бедолаги, клюнувшие на обещания хорошо подзаработать.

Хасан, чтобы держать всю эту толпу в повиновении, и ввел такой порядок. Кто проявит себя, того переводят в надзиратели, а чтобы удержаться на этой паскудной должности, эта шваль усердствует так, что даже эсэсовцы позавидовали бы. У них есть свои привилегии, значительно меньшие, чем, скажем, у тебя, но имеются.

Живут они отдельно не только от основной массы, но и

друг от друга.

Они же могут забирать к себе для утехи женщин, которых здесь тоже достаточно, – пожелает она того или нет.

Начальник их вообще ублюдок – никаких норм не признает, садист, одним словом. Кто-то после зоны притащил его, а на зоне, по слухам, «обиженным» он был, теперь вот отыгрывается на всех подряд за свое кукареканье на параше. И главное: если надзиратель в чем-то провинится, его тут же переводят обратно в рабы, и легко представить, какова будет его участь.

Поэтому надзиратели за свои места держатся так, как не держится за соломинку утопающий. Вся эта система да нечеловеческие условия быстро превращают людей в скотов.

– Понятно, – Феликс закурил. – Ну а кто же все-таки строит все это, не бедолаги же, я не в смысле рабочей силы, но должен же быть архитектор, прораб или мастер какой. Ведь сам Хасан с рабами ничего путного создать не смогут.

– Непосредственно строительством руководит наемная бригада отличных спецов из Турции.

– А к чему этот визит? Хасан же мог запросто вызвать или пригласить нужных людей к себе, или ему просто прогуляться захотелось?

– Нет, это не простая прогулка. Хасан во всем привык быть хозяином. Поэтому периодически он вмешивается в дела строительства, хотя сам в этом ни черта не смыслит, но дает понять, что он главный везде и всегда. Простым осмот-

ром дело не кончится, и ты еще немало интересного сегодня увидишь.

Пока они разговаривали, вдали послышался шум приближающейся толпы. Феликс вопрошающе посмотрел на Валентина – что бы это значило?

– Потерпи, сейчас сам все увидишь, – вполголоса сообщил командир. Когда толпа, подгоняемая надзирателями, подошла близко, Валентин приказал внешней охране рассредоточиться и приготовиться. Подошедших быстро построили в три шеренги, и вперед вышел Хасан.

Внешняя охрана также выстроилась в шеренгу – напротив рабов. Феликсу досталось место почти рядом с Хасаном, вернее, вплотную с одним из его телохранителей.

– Ти-и-ихо! Всем молчать и слушать хозяина, – во всю глотку заорал старший надзиратель.

Хасан махнул рукой, и наступила гробовая тишина.

– Все, кто стоит передо мной, признаете ли вы, что я выше вас?

– Да! – хором, по указке надзирателя прокричала толпа.

– Признаете ли вы, что волею судьбы принадлежите мне душой и телом?

– Да!

– Признаете ли вы, что труд ваш священен, ибо он служит мне, вашему повелителю?

– Да!

– Кто ваш хозяин?

– Хасан!

Распаляясь все больше, Хасан продолжал:

– Кому вы обязаны жизнью?

– Хасану!

– Кто превыше всего?

– Хасан!

Феликс слушал эти бредовые вопросы и заученные однозначные ответы, внимательно разглядывая лица невольников. Он переводил взгляд с лица на лицо, и все они были похожи – в них не было жизни. Пройдя взглядом первую шеренгу, он попытался рассмотреть тех, кого мог увидеть во второй, и вдруг... Да, так и есть – из середины шеренги на него смотрели знакомые глаза. Изменившееся и равнодушное лицо, но глаза, полные жизни, – глаза Крота. Витек, пронеслось в голове, ну, слава богу, ты здесь. Казалось, Феликс сам готов был орать вместе с толпой, он был счастлив вновь увидеть своего верного друга.

Между тем вопли прекратились, и Феликс даже не заметил, как Хасан перешел на философскую тему:

– ...И потому все, что вы делаете, вы делаете для себя. Труд превратил обезьяну в человека, и только полноценный труд гарантирует вам жизнь.

Строительство должно вестись еще более интенсивно. Теперь каждому будет установлена норма. Женщины переводятся в разряд поощрительных призов. Только тот, кто выполнит норму, получит право обладать женщиной. Вашу по-

ловую анархию я прекращаю – женщин отселить в палатки и привлекать к работам только единой группой под руководством той, кого я назначу старшей.

Тем же, кто будет саботировать строительство, симулировать болезни, ушибы и прочее – я просто не советую этого делать. Лучшее лекарство – кнут, и лечить «больных» будут под моим непосредственным контролем до полного выздоровления. Питание тем, кто выполняет норму, увеличить за счет тех, кто эту норму не выполнит. Любое недовольство будет жестоко караться. Сегодня я никого не наказываю, и это необычно, но у меня хорошее настроение, и я не хочу его портить перед обедом.

И тут произошло то, что резко обострило ситуацию.

Из первой шеренги вдруг выскочил какой-то невольник с куском трубы, невообразимым образом оказавшимся у него в руке, и закричал:

– У-у, крыса ты паскудная! – он бросился в сторону Хасана. Их разделяло чуть больше двадцати метров. Все произошло так неожиданно, что все замерли. Даже сам Хасан со своей непосредственной охраной как будто оцепенели. А человек приближался. И хотя все происходило в считанные секунды, Феликс молниеносно просчитал ситуацию: бездействие бородачей объяснимо – так случается довольно часто, когда события происходят внезапно и даже бывалые бойцы вдруг превращаются в истуканов. Выходка раба в такой форме была настолько неожиданной, что вызвала у всех настоя-

щий шок. У всех, кроме Феликса. Он уже знал, что делать. Убить Хасана этому бедолаге не удастся, в лучшем случае он нанесет ему небольшое увечье и сделает того более осторожным, а у Феликса, вступи он сейчас в схватку, появляется шанс стать близким Хасану человеком. Шанс, который грех упустить. И он начал действовать.

Феликс рванулся навстречу рабу, нанес короткий удар ногой в область солнечного сплетения и вырубил нападающего.

Его переломившееся тело по инерции пролетело метра два и рухнуло почти у самых ног неподвижного Хасана. По толпе пробежал гул, один из бородачей дал длинную автоматную очередь поверх голов стоящих невольников.

– Лежать, всем лежать! – заорал старший надсмотрщик, бледный как мел. Толпа бросилась на землю, машинально заложив руки за голову, хотя такой команды никто не давал. Бородачи направили стволы своих автоматов в разные стороны, включая и внешнюю охрану.

– Оружие не доставать, стоять смирно, – предупредил Валентин подчиненных.

Хасан подошел к Феликсу, пристально посмотрел ему в глаза и произнес:

– Ты спас мне жизнь. Никогда этого не забуду. – И, не обращая никакого внимания на лежащего человека, лежащую толпу, стоящих по стойке «смирно» охранников, резко повернулся и пошел в сторону аула. За ним бросились двое его бородачей-родственников, третий обратился к старше-

му надсмотрщику и, указав на лежащего, ломаным русским языком приказал:

– Этого лычно пиритащишь в погреб!

Надсмотрщик быстро закивал головой:

– Все сделаю, все, как прикажете!

Толпа продолжала лежать на земле, Валентин после ухода Хасана принял командование на себя:

– Всем встать и бегом в казармы! Всех закрыть. Тебе, – обратился он к старшему охраннику, – выполнять приказ, охране за мной – бегом марш!..

Когда было далеко за полночь, в комнату охраны ввалился сильно пьяный Валентин. Своим шумным появлением он сразу разбудил Феликса.

Пройдя нетвердой походкой через всю комнату, начальник упал на стул, и только близость подоконника спасла его от того, чтобы не свалиться вместе со стулом.

Он молча смотрел на Феликса мутными глазами.

– Тебе что, делать нечего, Валентин? Шарахаешься по ночам, ни себе, ни людям не даешь отдохнуть.

– Ты почему не добил того парня, почему оставил в живых? Отвечай, когда спрашиваю, – процедил Валентин.

– Я не понимаю тебя, если ты хочешь нормально поговорить, то говори яснее, а если и дальше будешь «наезжать», то лучше проспись, а потом поговорим.

– Ты мне, сучок, не указывай: когда, где и что говорить, понял? Ты никто, простой сторожевой пес и молчи, когда

говоря я.

– Послушай, командир, а сам-то ты кто? Чем ты лучше меня? Что ходишь все вокруг да около, вынюхиваешь, высматриваешь, ловишь на слове? Для чего? Чтобы потом шепнуть на ушко своему повелителю?

– Ну ты и сука, – побагровел Валентин. – Да кто тебя, дезертира, пригрел, пожалел, на должность посадил, а? Кто тебя из дерьма вытащил? Гнил бы без меня сейчас на каменоломне, мудак.

– Все, командир, иди к себе, поговорим позже.

Валентин встал со стула:

– Почувствовал покровительство Хасана? Ну-ну, давай. Из тебя бо-ольшая скотина получится. – И он, стараясь идти ровнее, вышел из комнаты, громко хлопнув дверью.

После этого визита Феликс, присев на подоконник, закурил. Что произошло с Валентином? Он никогда прежде не видел его таким. Ведь Феликс, по сути, спас репутацию всей охраны и его, Валентина, в первую очередь. Что же так обозлило его?

Может, ревность? Феликс оказался лучше всех остальных и возможна рокировка? Вдруг Хасану придет в голову заменить Валентина на него? Командир был сильно навеселе, но, как говорится, что у трезвого на уме, то у пьяного на языке.

Наступивший день был для Феликса выходным. Но распорядок был нарушен уже рано утром – пришел посыльный от Хасана и передал, что хозяин ждет его через полчаса у себя

в кабинете. Наскоро позавтракав и приведя себя в порядок, Феликс отправился в сопровождении посыльного в главный дом. И вновь, как и в первый раз, в душу его вкралась тревога: все-таки умеет эта сволочь каким-то образом действовать на окружающих. Хасан встретил Феликса приветливо, однако из-за стола не вышел, только привстал и жестом пригласил его присесть. Боковые двери были слегка приоткрыты, как тогда, хотя Феликс уже не стоял перед Хасаном и беседа обещала быть мирной, в отличие от той, когда решалась его судьба.

Начал Хасан безо всякого вступления:

– Я никогда не ошибаюсь в людях. Я благодарен тебе за твой поступок, и если я никогда и никому не прощаю обид, то и услуг также не забываю никогда. Поэтому я решил назначить тебя главным надзирателем над рабами. Властью тебя наделяю неограниченной, с этим скотом ты волен поступать по своему усмотрению, лишь бы был порядок и соблюдался график строительства. Я поручаю тебе провести расследование случая с покушением. Эта тварь, которая посягнула на меня, сейчас проводит время в камере пыток. Выбей из него все. Но выбей так, чтобы он остался жить. Он нужен мне живой для показательного наказания.

Вот, пожалуй, и все на сегодня. Да, Валентин с этого дня не является твоим прямым начальником, вы теперь на одной ступени служебной лестницы, поэтому тебе полагается жалованье – хорошим служащим, я считаю, надо платить. 1000

долларов на всем готовом; жить ты тоже перейдешь в более цивилизованное место. Общаться со мной ты сможешь теперь напрямую по радиотелефону, который тебе передадут сразу, как только ты выйдешь отсюда. В случае острой необходимости тебе будет достаточно связаться со мной, чтобы обо всем договориться. А сейчас за работу. Займись тем, и... Спасибо тебе, Феликс!

– Только один вопрос: как мне называть вас?

– Просто Хасан.

– Все понял и с вашего разрешения удаляюсь.

Хасан кивком головы проводил его.

В приемной Феликс столкнулся с Валентином, который был чернее тучи.

Они поздоровались, причем Феликс почувствовал, что Валентин делает это с явной неохотой.

– Мне приказано передать вам телефон и показать новое место жительства.

– Валентин, мы что, на «вы»?

– Да!

– И давно?

– Со вчерашнего дня.

– Послушай, то ты нес какой-то пьяный бред, то ведешь себя так, будто у нас назначена дуэль.

– Дуэль у нас не назначена, но прошу с сегодняшнего дня обращаться ко мне на «вы», а лучше вообще не обращаться, ведь теперь, как я понимаю, вы фигура самостоятельная и

под моим началом не состоите. Так что особых поводов для личного общения у нас, надеюсь, не будет. По крайней мере, я не хочу этого.

– Да что с тобой? Крыша, что ли, после пьянки поехала?

– Так, хватит пустых разговоров – перейдем к делу. У вас не так много времени для выполнения работы. Вот аппарат, – он передал Феликсу радиотелефон, – работает в радиусе до двух километров, связаться с хозяином можете, не удаляясь на большее расстояние. А вот дом, – Валентин указал на третье от хасановского здание, – где для вас отведена правая половина первого этажа. К сожалению, в левой проживаю я, но надеюсь, работа увлечет вас, и наши встречи будут предельно редкими.

Он бросил ключи Феликсу и, не оборачиваясь, пошел скорым шагом к дому Хасана.

* * *

Новое жилище Феликса было просто шикарным: гостиная с мягкой мебелью, баром-холодильником, большой видеодвойкой, музыкальным центром, мощным кондиционером. Все это утопало в разноцветных азиатских коврах, которые были везде, где только возможно, кроме разве что потолка, который сам по себе являлся вершиной искусства резьбы по дереву, – такого великолепия Феликс нигде и никогда еще не видел.

Спальня была уютной, с широкой кроватью. Не квартира, а номер люкс в приличном отеле. Но более всего порадовала ванная комната с горячей водой. Наконец-то Феликс смог принять контрастный душ, который так любил. Стоя под струями то горячей, то холодной воды, он расслабился и спокойно выстраивал план своего поведения в ходе допроса.

Как ни крути, но придется, видимо, причинять этому беззащитному человеку боль.

Лишь бы не переусердствовать. И хотя бедолаге в любом случае не жить, но брать грех на душу не хотелось, тем более на этот счет Хасан предупредил особо.

С тяжелым чувством Феликс вошел в погреб, где его встретил тот самый бородач, который совсем недавно освободил его от пут в той злосчастной камере, в которую ему вновь пришлось войти, но уже в качестве инквизитора.

Бородач включил свет и, прикрыв дверь, оставил Феликса наедине с обитателями камеры. Их было двое: тот, с кем он непосредственно должен был «работать», и бывший старший надзиратель, о котором с таким презрением отзывался Валентин. Первый был закован так же, как некогда сам Феликс – практически прибит к стене. Голова его была склонена к груди, и казалось, он спал, по крайней мере, на появление в камере постороннего и включенный свет заключенный никак не реагировал. Второй был просто закреплен короткой цепью за правую руку к стене.

Как только включился свет и глаза немного к нему при-

выкли, сразу же заговорил надзиратель:

– Я не знаю, кто вы, начальник, но я ни в чем не виноват. За что Хасан поступил со мной так жестоко? Я же служил ему, как верный пес, клянусь, вернее меня у него слуг еще не было. За что меня сюда? Я не могу здесь больше, освободите меня – я докажу, я оправдаю, я сделаю все, что мне прикажут – сам на куски порву этого ублюдка, на части живого порежу и сожру на глазах у всех. Отдайте мне его, и я докажу Хасану, что не виноват, матерью клянусь, я и подумать не мог, что у этой скотины в голове, знал бы – забил бы лично до смерти.

Голос надзирателя прерывался всхлипываниями, обещая вскоре перейти в рыдания, поэтому Феликс хлестко ударил его по лицу.

– Заткнись, козел, с тобой разговор еще впереди, и если ты, мразь, еще выплунешь хоть слово, я закрою твой хавальник навсегда, понял меня?

Надзиратель закивал головой, удар, видно, привел его в себя.

– Теперь ты. – Феликс повернулся к виновнику происшествия.

Последний никак внешне не воспринимал происходящее. Феликс подошел к нему, присел на корточки, рукой приподнял подбородок заключенного – взглянул в его лицо. Закатившиеся глаза, открытый рот вызывали тревогу.

Неужели умер? Но слегка пробивающееся дыхание убедило в обратном.

Он был жив, просто находился в забвении. Да. Видно – пережали. Еще немного, и точно отдаст концы. Феликс принялся освобождать пленника, но прикован он был настолько профессионально, что пришлось звать бородача, который в считанные минуты снял оковы. Тело жертвы мешком повалилось на земляной пол.

Феликс приподнял пленника, усадил, прислонив к стене, попросил бородача принести воды и наконец привел бедолагу в чувство. Тот смотрел на Феликса непонимающим взглядом, видно, мысли еще были далеко, и разговаривать с ним было пока рановато, пусть оклемается немного.

Феликс обратился к надзирателю:

– Как его зовут?

– Кошак.

– Я не про погоняло, как его фамилия и имя?

– Фамилия – Кошанский, отсюда и погоняло, зовут то ли Петр, то ли Федор – точно не знаю, у нас больше по кликухам.

– Как он вел себя за все время пребывания здесь?

– Освободи, начальник, в натуре, не могу больше.

– Отвечай!

– А хрен его знает, их же почти сотня, за каждым не усмотришь, вел себя как все, пахал нормально, особо не дергался, хотя и скулил иногда, да они все скулят, когда прижмешь их.

– И часто ты их прижимал?

– По необходимости.

– Короче, беспредельничал. Тебя зачем туда поставили? Порядок соблюдать и обеспечивать работу. А ты? Ты поставил себя выше всех. Почувствовал себя хозяином и вытворял все, что тебе заблагорассудится? Вот и результат. И нападение на Хасана – это и твоих рук дело – ты же, скот, довел этого Кошака до такого безрассудства, а может, ты специально все делал? А что? Сговорился с надзирателями, вместе тщательно подготовили нападение, используя этого недоумка. Удайся твой план, ты мог бы и мятеж поднять, направив толпу на пули? Никакая охрана не выдержала бы такого натиска живой волны. Вот цель и достигнута. Ты свергаешь Хасана, встаешь на его место и правишь. А? Как тебе такой расклад?

Надзиратель моргал глазами, пораженный таким поворотом событий.

– Да вы что, начальник? Мне такое и присниться-то не могло. Я хозяину всем обязан, да я за него и в огонь, и в воду, – он чуть не задохнулся от нахлынувших чувств, а может быть, и от осознания нависшей над его жизнью реальной угрозы.

– Смотрю, у нас опять гости? – раздалось внезапно от стены. Феликс повернулся и подошел к Кошанскому:

– Что, очухался?

– А ты, начальник, особо не радуйся. В чем признался, в том признался, добавить мне нечего, хоть на дыбу определяй. Так что можешь двигать, как пришел, и эту вонючку с

собой прихвати, – он кивнул на надзирателя, – слишком уж он дебилный, ваш подсадняк. Ему колоть меня надо, а он в истерике бьется, Хасана все какого-то просит. Осточертел за ночь. Тут самому хоть волком вой, так еще эта ментовская падла все нервы извела.

– Я что-то не пойму тебя, дружок, ты под дурачка закосить решил? Брось это сразу, а то ведь я тебя лечить начну, и тебе это не понравится.

– Ты че, никогда не видел, как косят? Да ты у них никак стажер. В таком случае никакого базара вообще не будет...

Договорить Кошанский не успел – Феликс несильно, но болезненно ткнул его пальцами под ребра.

Надо сказать, Феликс был обескуражен: он ожидал всего – и бессильной ярости, и полного безразличия, и попытки оправдаться, но такого разговора не ожидал никак.

– Знаешь, не нравится мне твое поведение. Давай-ка для начала я поучу тебя хорошим манерам. – Феликс ударил ногой в голову пленника, разбив ему бровь.

Кровь хлынула ручьем. Прикрыв лицо рукой, Кошанский зло бросил:

– Беспредельничаешь, начальник? Тебе что, моей признанки мало? Хоть распни меня – ничего больше не скажу.

Тут голос подал надзиратель:

– Вот так всю ночь и долбит, что замочил какую-то бабу, а мужика не трогал, и кто его грохнул, не знает и знать не хочет. Может, умом тронулся?

– Какая баба, какой мужик? Вы что мне тут оба гоните?

– Вот и я чувствую, пургу гонит, а понять ничего не пойму.

– Умом, говоришь, тронулся?

Ситуация складывалась непонятная.

– Значит, мужика ты не трогал, а бабу завалил? – подыграл Кошанскому Феликс.

– Точно.

– И когда это было?

– Да в протоколе все записано, все чистосердечно – и когда, и как я ее, родимую, и за что – самое главное. Ревность проклятая, не в своем уме был, да и пьяный.

– Ну, а Хасана?

– Какого Хасана?

– Ты представляешь, где находишься?

– Ну знамо где – в СИЗО. Где же мне еще быть?

– Послушай, ублюдок, ты перестанешь, наконец, паясничать, я же тебя калекой на всю жизнь сделаю.

– Да че ты хочешь-то, в натуре, другой признанки, что ли? Другой не будет, бабу свою...

– На хера мне твоя история с бабой, мужиком и всем остальным? – Феликс вышел из себя, но, пытаясь сдерживаться, продолжал: – Ты, Кошанский Федор, Петр или Иван, – мне до лампочки, как тебя на самом деле, – внимательно слушай меня и шевели извилинами. Вчера ты по своей воле или по чьему-то наущению, – Феликс говорил мед-

ленно, вкрадчиво, – бросился на своего хозяина – Хасана с трубой, пытаясь его убить? Это ты помнишь, сука?

Кошанский в изумлении смотрел на Феликса:

– Какой Хасан? Какая стройка? Чего вы хотите от меня? Бабу свою я грохнул, за блядство ее. А вы какого-то Хасана на меня вешаете, я этих хасанов и мамедов с армии не встречал, да и свидетель у меня есть – все тот же Колька-сосед – он видел, как моя блядь с тем козлом трахалась, он же мне и сказал об этом. И не тронул я его потому, что, когда я за Катьку взялся, слинял он, а уж кто ему башку в коридоре подрезал, тут я совсем пас: я после нее еще пузырь высосал, ну и все – ушел в отключку. Очухался только у вас в ментовке, где сразу во всем признался и больше ничего на себя не возьму, а если бить будете, то так на суде и заявлю, и адвокату скажу, как на меня чей-то глушняк вешали.

Феликс все понял. Он посмотрел на Кошанского с чувством сожаления и облегчения одновременно.

Довели мужика – сорвался. Допрашивать его дальше никакого смысла не было – Кошанский твердил одно, повторяя глубоко засевший в его памяти наиболее яркий эпизод, в котором он и продолжает жить, а все происходящее с ним сейчас прочно связывается в его большой голове только с тем происшествием и ни с чем более. Это и к лучшему для самого Феликса – он практически освобождается от продолжения допроса. Кошанский же так и погибнет в своей горячке, не испытав, по крайней мере, ужаса мучительного ожидания

собственной казни.

Феликс вышел в коридор, где на своем посту находился бессменный бородач:

– Надзирателю перецепи руки, пусть повисит на левой. Раба не трогай, хотя нет – зацепи его за ногу, а то еще бросится на бывшего начальника и дело кончится плохо, так что от греха прикуй его подальше, но умело, чтобы не пострадал. Хасану они нужны живые, – приказал Феликс.

Выйдя во двор, он достал трубку радиотелефона, нажал всего одну клавишу и тут же услышал немного измененный голос Хасана:

– Слушаю тебя, Феликс.

– Я провел работу в камере и считаю необходимым подробно обо всем доложить вам лично.

– Хорошо, через сорок минут я жду тебя в кабинете. У тебя есть что-то еще?

– Нет.

– Тогда в назначенное время жду, и, надеюсь, ты понимаешь, что эта тема только для нас с тобой? – Хасан отключил связь.

Феликс пошел домой. Квартира встретила его приятной прохладой и уютом. Он расслабился в кресле, посидел немного, закрыв глаза и подставив лицо под струю охлажденного кондиционером воздуха. Но время было ограничено. Приняв душ и переодевшись, пришлось идти на встречу.

Уже с первых слов доклада Феликс понял, что Хасан зна-

ет все. Поэтому, не вникая в подробности, кратко изложил суть допроса. Он подчеркнул, что покушавшийся лишился рассудка и, скорее всего, еще до попытки покушения. Но уточнить: действовал он один или кто-то подтолкнул его к этому, следует. И разобраться Феликс сможет только тогда, когда непосредственно приступит к своим новым обязанностям главного надзирателя. Тогда он будет среди толпы и получит информацию наверняка.

Хасан немного помолчал, как бы собираясь с мыслями.

– Я все слышал, Феликс, все, о чем вы разговаривали в камере, и работа твоя мне понравилась, чувствовался напор и желание добиться как можно большего результата – это похвально. Но не подумай, что я тебе не доверяю. Нет. Мне важнее то, о чем говорили заключенные, на основании их ответов я делал свои выводы, и насколько они совпадают с твоими, мы сейчас и выясним.

Когда ты нарисовал картину захвата власти надзирателем, по его реакции на твою импровизацию я убедился, что правильно сделал, назначив тебя главным надзирателем, а не человека из толпы, как практиковалось раньше. Я согласен с тобой, что этот надзиратель не смог бы поднять мятеж, не тот он человек, но если появится такой человек, то будет очень и очень плохо.

Согласен и с тем, что нападавший на меня, кажется, ты назвал его Кошанским, действительно лишился разума, его поступок – это самоубийство. Проще было повеситься, из-

бежав неизбежного и мучительного дознания. Ты прав – работать с ним дальше бесполезно. Участь его решена – в воскресенье он умрет, умрет на виду у всех. Это будет публичная казнь. Твое мнение?

– Насчет казни – не знаю, – ответил, задумавшись, Феликс. – Не вызовет ли у толпы эта публичная казнь негативных проявлений?

– Ты еще новичок, поэтому так рассуждаешь. Это вызовет страх, ужас, каждый будет думать о том, что и сам может оказаться в положении смертника, посягни он на хозяина. И никаких других чувств, кроме страха, у них не возникнет, это уже проверено неоднократно.

– Вы опытнее меня и мудрее, видимо, это действительно так.

– Именно так и никак иначе. Ну ладно, с этим Кошанским все, теперь о Быке, что ты предлагаешь в отношении Быка? Это я о надзирателе.

– Я думаю: не нарушать сложившуюся традицию и отправить его в общество рабов, как это делалось раньше.

– То есть ты предлагаешь кинуть его обратно в рабы? Но это же смерть для него, и здесь уже ты выступаешь палачом – готов ли ты стать им?

– Я не собираюсь его казнить, но вина его очевидна, так что по грехам и кара.

– А ты безжалостен, Феликс!

– К врагам – да. И потом посмотрим, как действует прин-

цип: выживает сильнейший.

– Ты мне нравишься все больше и больше – хорошо, я согласен с твоим предложением, и Бык теперь простой раб, посмотрим – надолго ли?

– Я еще хотел сказать, – Феликс решал главный вопрос. – Если вы доверяете мне полномочия главного надзирателя, то позвольте и штат подобрать по своему усмотрению.

– Хорошо, я согласен с тобой, завтра же приступай, но запомни – ты лично несешь ответственность за порядок в этом бедламе.

На этом они и порешили. Хасан остался в кабинете, а Феликс отправился на поселение – рабы до сих пор находились в бараках, на работу с момента покушения никого не выводили. Отдав распоряжения бездействовавшей охране, Феликс на завтра назначил общее построение и отправился домой.

Чем дальше Феликс находился в этом богом забытом ауле, тем больше он думал о цели своего задания. Устранить Хасана – это понятно, и здесь вопросов не возникало. Феликс не мог понять общий замысел своего командования. Ну хорошо, уберут они Хасана, но на смену ему придет другой, и делать расчет на то, что другой окажется слабее и возможна вербовка – слишком уж примитивно, а Зотов – далеко не простак, чтобы на этом строить планы. Тогда где же смысл операции?

Когда наутро Феликс подошел к месту построения, его

приказание было выполнено – невольники стояли в три относительно стройные шеренги.

– Смирно! – кто-то подал команду при его появлении.

– Можете расслабиться. Надзиратели, на десять шагов в линию стройся!

Надзиратели почти одновременно вышли из общего строя и предстали перед Феликсом.

Тот медленно начал обходить строй, вглядываясь в лицо каждого.

– Ты, – указал Феликс на пятого по счету, – представься.

– Надзиратель Дудиков, или Додик, как называл Бык.

– О Быке забудь, о Додике тоже. Это касается всех, мне не нужны ваши скотские клички, только фамилии и имена, ясно? – обратился Феликс ко всем стоящим.

– Так точно, господин начальник, – хором ответили ему в основном надзиратели.

– Сколько человек под твоим надзором, Дудиков?

– Двадцать два рыла.

– Я тебя о людях спрашиваю, а не о свиньях.

– Извините, двадцать два человека.

– Твоя задача?

– Днем слежу, чтобы работали, даю команду на перерыв, на окончание работы согласно общей команде, вечером слежу, чтобы порядок блюли.

– Ну а если – беспорядок?

– По хлебалу, у нас не забалуешь.

– А если в ответ тебе по хлебалу?

– Да вы что, господин начальник? Так я ж его тогда по ребрышкам разберу!

– И часто происходят случаи неповиновения?

– Нет, если только огрызнется кто, а так в основном молчат.

– Значит, все же проявляют неудовольствие? Проверяли почему?

– Чего проверяли? – не понял надзиратель.

– Чем люди недовольны?

– Да на хера? Вот дубинатором по хребту, чтобы пасть держал закрытой!

– Понятно. Вы все действуете по той же методе? – спросил Феликс остальных охранников.

– Так точно. Это инструкции Быка.

– Понятно. Ну а вечером люди отдыхают?

– Это кто заслужил: кто отпахал норму и вел себя прилично, тот отдыхает.

– Ну а кто не смог выполнить норму по каким-либо причинам?

– Тем профилактику устраиваем.

– В чем заключается профилактика?

По ряду надзирателей прошелся смешок.

– Не слышу ответа.

– У нас, господин начальник, фантазия богатая...

– Значит, не даете людям продохнуть ни днем, ни ночью.

Женщин-то, наверное, всех к себе прибрали?

Строй молчал.

– И знаете, как это называется? Это называется вредительством, да-да, самым настоящим вредительством. Вы лишаете людей полноценного отдыха после тяжелой работы, и они, как следствие, не могут работать с полной отдачей. Вы понимаете, что делаете? Это не они, – Феликс кивнул на строй невольников, – это вы срываете график строительства, это по вашей вине произошел случай с нападением на Хозяина, и вы все персонально ответите мне за ваш беспредел.

Гул смущения прошел по рядам.

– С этого дня, – продолжал Феликс, – каждому из надзирателей запрещаю хоть пальцем тронуть кого-нибудь из ваших подопечных. О замеченных нарушениях докладывать мне. Принимать решение буду я один, ясно?

– Так точно, господин начальник, – без особого энтузиазма ответил строй надзирателей.

Теперь Феликсу необходимо было встретиться с Кротом, чтобы обсудить сложившуюся ситуацию, оценить обстановку и вместе принять решение, как действовать дальше. Ведь при том, что Феликсу удалось почти вплотную приблизиться к Хасану, войти к тому в доверие, он еще оставался на той дистанции от объекта, которая не позволяла успешно завершить операцию. Поэтому необходим был совет друга. Возможно, и у самого Виктора имелись собственные планы. Да и подозрениями насчет Валентина надо было поде-

литься. Встречу Феликс решил организовать просто. На виду у всех, воспользовавшись полномочиями, самому набрать штат охраны. Поэтому он просто вызвал к себе на беседу трех человек, в числе которых был и Крот.

Феликс коротко, насколько это было возможно, пересказал другу все, что с ним произошло от момента внедрения до последнего разговора с Хасаном.

– Как видишь, достать Хасана напрямую я не могу. Хитер черт и коварен. Все время держит тебя на расстоянии, не позволяющем что-либо предпринять. В дом заходишь – оружие отбирают, в кабинете тоже не достанешь, уже просчитывал. Посоветуй, что делать, нельзя больше тянуть.

– Ну а во время сопровождения?

– Бесполезно, бородачи держат всю внешнюю охрану под прицелом.

– Ничего, Феликс, теперь мы вместе – найдем способ. Ну все, мне пора, чертовски рад был тебя видеть.

– Взаимно, Витя. До понедельника. И еще позаботься о Быке, его сегодня переведут в рабы. Не думаю, что ему стоит жить.

* * *

Наступило воскресенье – обычный день – солнечный и жаркий. С раннего утра чувствовалась атмосфера неестественного для этих мест оживления. Обычно тихий и мало-

людный аул гудел, как растревоженный улей. Со всех сторон к плато над пропастью на северной окраине тянулись многочисленные семейства местных жителей. Довольно стройной колонной подтягивались из своего поселения невольники, сопровождаемые надзирателями. Это движение предвещало необычное и, судя по выражению большинства лиц, мрачное зрелище. Люди стекались на казнь.

Плато постепенно заполнилось. Местные жители и невольники встали по разные стороны.

Все были в ожидании неминуемой развязки нашумевшего события.

Наконец появилась сначала внешняя охрана, затем и сам Хасан в кольце неизменных телохранителей. Следом, держа приговоренного за руки, следовали крепкие бритоголовые бородачи, одним из которых был постоянный страж погребца.

Наступила гробовая тишина, лишь приглушенные пылью шаги обозначали движение. Группа главных действующих лиц вышла на середину плато. Приговоренного подвели к самому обрыву, продолжая крепко держать. Хасан молча обвел суровым взглядом всех стоящих и начал свою речь:

– Люди! Вы собрались здесь, чтобы увидеть, как Аллах карает тех, кто поднимает руку на своего хозяина. Преступлению негодяя нет оправдания. Судьбою и волею всевышнего ему была уготовлена участь раба, потому что всей своей прежней жизнью он много не заслужил. Беглый убийца, он был скрыт от правосудия, ему обеспечили условия, которых

он достоин, но главное – ему сохранили жизнь и вместе с жизнью дали право работать, чтобы трудом своим заслужить более достойное положение в нашем сообществе. Ибо никому не закрыт путь продвижения вверх через добросовестный самоотверженный труд. И чем же ответил этот мерзавец? Он пытался убить своего спасителя. Так что же он заслуживает после этого? Я к вам обращаюсь, люди!

Присутствующие молчали.

– Ничего, кроме смерти, и он умрет у вас на глазах – такова воля Аллаха и моя воля!

В это время Хасану поднесли длинную трость. Бородачи заломили руки несчастного назад, сцепили наручниками и, надев на голову черный мешок, отошли от него. Хасан вплотную подошел к жертве и со словами: «Аллах лишил тебя рассудка, я лишаю тебя жизни», длинной тростью толкнул приговоренного в пропасть. Истошный вопль, прерываемый глухими ударами тела о скалу, пронесся над ущельем, повторяясь уходящим далеко в горы эхом, и через некоторое время стих навсегда.

Феликс незаметно выбрался из толпы и поспешил к себе на квартиру. Злость, неопишное желание что-либо предпринимать и одновременно ясное осознание, что ничего предпринять нельзя, душили его.

В этот день он так и остался дома, чтобы на следующее утро, приведя себя в порядок, продолжить исполнение своих прямых обязанностей. Придя в точно назначенное им время

и приняв рапорт, Феликс выбрал из числа невольников троих, включая Виктора, и приказал им остаться на месте для проведения собеседования. Остальных распорядился развести по рабочим местам. Когда рабы, разделившись на два потока, покинули территорию поселения, Феликс уединился с Кротом.

– Привет, рад тебя видеть.

– Здравствуй, здравствуй. Как тебе казнь?

– Я готов был порвать этого ублюдка Хасана. Но хочу спросить о другом: мне непонятно, если Хасан не простая фигура в наркомафии и здесь находится одно из гнездышек этих орлов, то почему не видно, как проходят грузы, а они должны проходить, но ничего подобного я не замечал.

– Здесь ты ошибаешься. Почему ты решил, что товар должен идти непосредственно через аул? Нет, Феликс, не обязательно. Грузы наверняка идут где-то рядом, по горным недоступным тропам. А Хасан держит весь этот процесс под своим контролем, и, естественно, к нему стекается вся денежная масса за реализованный товар. А вот транзитная база обязательно должна быть, и, скорее всего, она в Барбаке.

Мне один «долгожитель» рассказывал, что два года назад рабы в Барбаке строили подземные сооружения – то ли винные погреба, то ли склады. По-моему, через эти хранилища и проходят грузы дальше на север, в глубь страны. Но что-то в своей тактике они решили изменить. Этот строящийся дом-крепость, для чего он Хасану? С подземными ходами,

бункерами, в труднодоступном месте? Скорее всего, здесь и закладывается главная транзитная база, потому и возводят эдакую неприступную цитадель.

– Хорошо, а почему они сейчас решили перенести базу под самый нос Хасана? Для чего ему, человеку чрезвычайно осторожному, так подставляться?

– А почему ты решил, что он подставляется? Что ему грозит? Хасан под солидной защитой, это и козе понятно, а сейчас они настолько укрепили свои позиции в верхних эшелонах власти, что дальнейшую конспирацию считают излишней. Не нам над этим голову ломать. Ты что-то хотел мне про ваши отношения с Валентином рассказать?

Феликс описал диалоги с Валентином. Крот задумался.

– Ну что тебе ответить? – помолчав, заговорил Виктор. – Самое скверное то, что мы не можем его просчитать, потому что вынуждены пользоваться только той информацией, которую сбрасывает сам Валентин. И полностью достоверной, согласишься, признать ее не можем. Вариантов, кем он может быть на самом деле, – предостаточно. А нам главное узнать только одно: друг он или враг. И вот здесь получается, что он может быть как тем, так и другим. Давай проанализируем два варианта.

Первый: Валентин – сотрудник спецслужбы. В этом случае, как постоянно действующий агент, он может знать, что будет проводиться акция по устранению Хасана, возможно, для того, чтобы расчистить поле деятельности для самого

Валентина. Кто именно будет выполнять задание по ликвидации, он не знает. Просто придут люди, сделают свое дело и уйдут.

– Тогда почему нам не сообщили перед заданием, что рядом будет действовать свой человек?

– А для чего? Наша задача проста: внедриться, устранить объект и тихо уйти. Все! Задача локальная. У него же задание может носить стратегический характер, и пересекать нас сочли ненужным. Как говорится – каждому свое. Но он, как профессионал, может попытаться сам вычислить тех, на кого возложена миссия устранения. Этим можно объяснить поведение Валентина по отношению к тебе. Полностью раскрыться он не может, даже если возникнет необходимость, права такого у него нет. Как и полной уверенности в том, что именно ты и есть один из ликвидаторов. Отсюда эта двойственность. Ни он, ни ты не можете сократить ту дистанцию, которая между вами установилась. Вывод: Валентин – не враг, но и не помощник, мы можем рассчитывать только на то, что он не создаст помех в нашей деятельности, не более. Такой вариант нас вполне устраивает.

Второй вариант: Валентин по стечению обстоятельств или вполне осознанно работает на Хасана. И в этом случае его внимание к твоей персоне объяснимо. Ты человек новый, появился сравнительно недавно, и Валентину необходимо убедиться в том, что ты опасности не представляешь. И пока он полностью не будет в тебе уверен, твоя разработка будет

продолжаться.

– Ты допускаешь, что Валентин при Хасане что-то вроде службы безопасности?

– А разве не этим он занимается? Валентин мог прибыть сюда как лицо, назначенное кем-то свыше в их иерархии. В этом случае вполне возможно, что его полномочия как раз и состоят в том, чтобы обеспечить безопасность Хасана.

– Или контролировать последнего.

– Или так.

– Но, Витя, он же с самого начала положил на меня глаз, определил к себе в охрану. Что это? Необъяснимые личные симпатии? Расчет? На чем этот расчет основывается?

– Все объяснимо. Ты попал сюда как? Дезертировал из армии, детдомовский, при этом неплохо владеешь приемами рукопашного боя. Валентин все проверил, и ты по всем параметрам подходишь. С точки зрения Валентина – агента спецслужб – ты один из возможных вариантов внедрения, а с точки зрения Валентина – человека наркомафии – ты подготовленный охранник. Не использовать такой материал он не мог, кем бы ты ни был на самом деле. Отсюда и протекция.

– Значит, если Валентин – человек спецслужб, то, возможно, зная о предстоящей операции, он понимает, что внедрение реально и помогает мне войти в контакт с Хасаном. Но если он человек Хасана, то здесь я интересую Валентина как боеца, охранника. Но все же просчитывает он и вариант моего внедрения как врага. Так?

– Немного запутанно, но примерно так.

– И что будем делать?

– Я считаю, что надо принять худший вариант, пусть он окажется, в конце концов, и неверным, но ставку на Валентина, думаю, делать нам нельзя. Уж лучше получить в финале приятный сюрприз, чем сейчас совершить ошибку и обречь все дело на провал.

– Согласен. Тогда чего следует опасаться со стороны Валентина?

– Опасаться следует многого, и в первую очередь, что он может принять к разработке вариант твоего внедрения. Тогда он будет искать твои связи, обращать внимание и проверять всех, с кем ты чаще всего общаешься. И нужен неординарный ход, такой ход, который позволит сблизиться с Хасаном на расстояние удара.

– В том-то и дело, что я начинаю уже умом трогаться, а ничего толкового выдумать не могу. Даже если пойти на кардинальный шаг и попытаться подорвать себя вместе с этим мерзавцем.

При последних словах Феликса Крот внимательно посмотрел на друга.

– Подорвать, говоришь?.. – он задумался. – А что, это мысль, Феликс.

– О чем ты?

– Подожди, подожди. По-моему, есть решение. Как же я не подумал об этом?

– Да говори ты!

– Вся наша работа опасна, не так ли? Поэтому давай не будем отвлекаться по мелочам, а сразу перейдем к главному. Ты, Феликс, должен в ближайшую ночь обеспечить мне возможность покинуть поселение, чтобы я вскрыл тайник. Ноги, чтобы туда добраться и вернуться, должно хватить.

– Ни хрена себе ход! На сюрпризы, я смотрю, ты не скупишься. – Феликс был ошарашен.

– Я знал, что именно такой будет твоя реакция, поэтому и начал без предисловия. Я же говорил – мы должны принять нечто неординарное.

– Это уж точно. Похлеще того, что ты предлагаешь, и не придумать.

– Есть у меня одна задумка, но без серьезного обеспечения она лишена смысла. А это обеспечение я могу получить, только вскрыв тайник.

– А попроще нельзя? Что ты выражаешься загадками? Что значит это «обеспечение»?

– Слушай, я тебе, конечно, скажу, что именно мне нужно в тайнике, но давай договоримся, больше вопросов ты задавать не будешь. До тех пор, пока я не вернусь. Идет?

– Хорошо.

– Все очень просто – мне нужна граната, обыкновенная наступательная граната.

– Да зачем? – еще больше удивился Феликс.

– Мы же договорились.

– Ты, Витя, конечно, вправе принимать самостоятельные решения, но...

– Феликс, я же ничего не скрываю от тебя, просто не хочу нагружать тебя сверх меры, ты и так испытываешь огромный психологический прессинг, находясь среди этой стаи шакалов.

– Ну спасибо, а задать мне такую задачку – значит не нагрузить? Ладно, что с тобой поделаешь. Ты сам-то как думаешь, просто будет устроить твое путешествие?

– Непросто, может, и невозможно, но... надо.

Феликс глубоко задумался.

Задача, которую поставил Виктор, была практически невыполнима. Если бы проводились ночные работы – тогда другое дело, но после злополучного покушения они были прекращены. Какого-либо варианта вытащить Виктора из поселения у Феликса не было, вернее, лично ему никто не помешает забрать Крота из лагеря, но затем у Хасана неизбежно возникнут вопросы, на которые он ответа дать не сможет. Нет, здесь нужно нечто необычное.

– Феликс, а если какое-нибудь ночное мероприятие? – пришел на помощь Виктор.

И тут все встало на свои места, неопределенное приобрело вполне ясные очертания. Конечно, только мероприятие и мероприятие масштабное!

– Витя, по-моему, я смогу все устроить. Сейчас иди на работу, а к вечеру будь готов. Если удача от нас не отвернется,

то ночное путешествие я тебе обеспечу.

Виктор не стал задавать вопросов, слегка поклонился для постороннего глаза, как бы благодаря Феликса за участие в его судьбе, и отправился на стройку.

Феликс же привел в порядок свои мысли и уже на входе в селение вызвал по трубке Хасана.

– Слушаю, Феликс.

– Хасан! У меня к вам есть дело, принять меня сможете?

– А где ты сейчас?

– Подхожу к вашему дому.

– Тогда прямо и заходи, охрану я предупрежу.

Феликс беспрепятственно прошел в дом и зашел в кабинет Хасана. На боковые двери он уже не смотрел: что за ними, и так ясно.

– Проходи, Феликс, присаживайся, – Хасан встретил его приветливо, и это был хороший знак. – Ну что у тебя за дело?

– Постараюсь покороче, дабы не отнимать у вас время. Все дело в том, что я решил провести один эксперимент. Я хочу провести с охраной и несколькими кандидатами из числа рабов ночные занятия.

– Вот как? И какова же тема занятия?

– Поимка беглеца.

– Даже так? У тебя что, есть информация?

– Нет, информации насчет возможного побега у меня нет, но привить надзирателям навыки в действиях по поимке предполагаемого беглеца считаю необходимым. Особенно в

ночных условиях. Да и рабам показать в назидание, для профилактики, так сказать.

– И как ты планируешь провести занятие?

– В принципе, схема проста. Один из рабов выступит в роли беглеца, остальные будут осуществлять преследование – причем без собак, полагаясь только на свою интуицию. Беглецу будет предоставлено преимущество во времени, но незначительное. В процессе преследования я смогу посмотреть, кто на что способен.

– А почему в роли беглеца должен выступить раб? Не слишком ли авантюрно? И вообще, почему бы занятия не провести только с участием одной охраны, так, мне кажется, будет безопасней?

– Раб, которому будет обещано место надзирателя в случае успешных его действий, постарается сделать все возможное и невозможное, чтобы как можно дольше уходить от погони, ведь на карту поставлена его дальнейшая судьба. От надзирателя же, который свое место уже имеет, особой прыти ожидать не приходится.

– Понимаешь, Феликс, по сути ты отпускаешь раба, пусть и в учебных целях. А если он окажется слишком прытким и погоня его не схватит? А, Феликс? Об этом ты подумал? Ведь вся ответственность тогда ляжет на тебя. И прошлые заслуги будут не в счет. Что на это скажешь?

– Ответственности я не боюсь, потому что тщательно изучил местность вокруг аула и уверен, что через перевал, в

сторону которого и будет направлен беглец, без специального снаряжения никто пройти не сможет. Так же, как и в двух других направлениях. Для настоящего побега пригодны лишь два пути, которые я перекрою, так что вся эта игра будет проводиться в обширном, но замкнутом и контролируемом пространстве. И даже если беглец где-нибудь затаится, то утром собаки найдут его без проблем – следы еще будут свежими. Я приму все надлежащие меры предосторожности.

– Да, верно. – Хасан внимательно посмотрел на карту. – Отсюда только два более-менее пригодных пути для побега, вижу, что действительно ты подготовился неплохо. Тогда действуй, завтра утром доложишь мне о результатах ночной охоты.

Феликс уходил от Хасана, вполне довольный собой: его план удался и разрешение он получил, а это самое главное. О том, что Виктора смогут быстро схватить, он даже не думал, ибо поиски беглеца будут проводиться там, где его и в помине не будет.

На вечернем построении Феликс вызвал надзирателей и троих невольников, среди которых, конечно же, находился Крот, и объявил:

– Сегодня ночью я решил провести с вами занятия. Общая тема – поимка беглеца. Будут участвовать практически все надзиратели, кроме тех, кто будет осуществлять непосредственно охрану лагеря, плюс трое кандидатов из числа невольников. В роли беглеца выступит Кротов, его я проин-

структурирую индивидуально. Значит, пока все по распорядку: в 22.00 общий отбой, в 22.15 – построение на этом месте. Тогда я и поставлю задачу более подробно, а пока всем разойтись, Кротову остаться на месте.

– Ну, Витя, такой вариант тебя устроит? – спросил Феликс, когда надзиратели отошли на достаточное расстояние.

– Мысль прекрасная, наверно, трудно было убедить Хасана?

– Как раз наоборот, все прошло на удивление гладко.

– Форя у меня будет?

– Конечно, но небольшая, минут двадцать...

* * *

Ровно в 22.15 надзиратели и трое кандидатов стояли в полной готовности. Приняв рапорт, Феликс обрисовал конкретную задачу:

– Как я уже говорил, занятия имеют целью отработать действия охраны по пресечению попытки побега в ночных условиях. Шестеро надзирателей остаются в лагере и выполняют свои непосредственные обязанности. Остальные разбиваются на четыре группы по три человека. Задача этих групп – преследование и захват беглеца. Задача беглеца обратная – как можно дольше не дать себя схватить. Направление «побега», – Феликс повернулся и указал рукой на лесной массив, постепенно переходящий в неприступный перевал. – Сектор

поиска – двенадцатикилометровая зона, из которой никто выходить не имеет права, включая «беглеца», она на местности примерно обозначена границами сплошного лесного массива, и все действия практически будут происходить в этом массиве. Прошу учесть, что от вашего усердия во многом зависит и ваша дальнейшая судьба. «Беглец», если сможет продержаться в течение хотя бы трех часов, гарантированно обеспечивает себе место в охране. Это относится и к той группе или группам, которые первыми обнаружат и задержат «беглеца». В свою очередь «беглец» будет иметь преимущество во времени в двадцать минут. Такова задача. Вопросы есть?

– Разрешите? – спросил один из надзирателей.

– Слушаю.

– Какие-либо технические средства у нас будут? Фонари или осветительные ракеты, например?

– Нет, ничего, кроме собственных глаз, ног и рук. Еще вопросы будут?.. Нет? Тогда, Кротов, выйти из строя. Следуйте за мной, остальным оставаться на местах и ждать команды.

Феликс с Виктором отошли почти к самому лесу.

– Витя, хочу тебя предупредить: смотри в оба, хоть Хасан и разрешил эти занятия, но вполне может подстраховаться и выставить своих людей где угодно, в том числе и на твоём направлении. Так что будь предельно осторожен.

– Не волнуйся, все пройдет, как надо. Жди к утру.

Виктор тут же нырнул в густой кустарник и растворился

в темноте предгорного леса. Феликс вернулся на место построения, разбил надзирателей на группы, назначил в них старших и через двадцать минут отдал приказ на преследование. Погоня началась. Подождав, когда лес поглотил преследователей, Феликс закурил и задумался. Когда он говорил, что искать «беглеца» будут там, где его в помине не будет, то подразумевал следующее.

Как только Виктор скроется из глаз преследователей, он пойдет не к перевалу, а круто изменит свой маршрут, обойдет лагерь с правого фланга и направится строго на север, где в труднодоступном горном местечке и заложен тайник. Погоня же пойдет, по указанию Феликса, на юг и будет скрупулезно, но тщетно прочесывать внушительную площадь лесного массива.

Все прошло, как и было запланировано – погоня безуспешно металась по лесистым южным склонам перевала. Целую ночь продолжалась эта игра. Люди вымотались, поистрепались, и только когда начало светать, издали раздались радостные, нецензурные возгласы – «беглец» был пойман. Одна из групп вела измотанного, уставшего Виктора, но по его глазам Феликс понял, что план удался – Крот побывал там, где надо. Установленным сигналом Феликс собрал участников и объявил, что занятия закончены, приказал всем вернуться в лагерь и, несмотря на бессонную ночь, приступить к исполнению своих прямых обязанностей. Правда, в усеченном варианте, разделив всю охрану на две

группы, чтобы они смогли по очереди отдохнуть.

Теперь Феликс с нетерпением ждал встречи с Виктором, но сейчас для этого было не самое лучшее время. Поэтому он решил отложить разговор ближе к полудню, когда друг отдохнет и можно будет поговорить, не вызывая подозрений. К тому же через несколько часов его ждала встреча с Хасаном.

Вернувшись домой, Феликс принял душ, побрился, привел себя в порядок и ровно в 8.00 позвонил Хасану.

– Давай поговорим у меня, – перебил наркобарон, – через сорок минут я жду тебя.

Хасан внимательно выслушал доклад Феликса, изредка задавая уточняющие вопросы.

– Значит, теперь ты уверен, что побег невозможен?

– Для нормального человека невозможен. И за своих людей я теперь спокоен. Правда, кроме двоих, но я сегодня же их заменю.

– А может, не стоит никого менять? Мне внутренние разборки среди рабов не нужны, тем более я жду пополнения рабочей силы – новая партия рабов на подходе. И штат охраны неизбежно придется увеличивать, так что лучше пусть останутся на месте все прежние надзиратели, а к ним добавь тех, кому доверяешь.

– Я не знал о пополнении, поэтому считаю, учитывая новые обстоятельства, что вы совершенно правы, и я поступлю так, как вы сказали.

Феликс собрался уже покинуть кабинет, как вдруг Хасан его остановил.

– Знаешь, Феликс, я открою тебе небольшой секрет. Мои люди наблюдали за вашей ночной охотой и доложили примерно в том же духе, что и ты.

– Значит, вы все же не до конца мне доверяете?

– Я и себе-то не до конца доверяю. Шутка, конечно, а если серьезно, я просто посчитал, что после твоих реформ кто-то мог занять на тебя зуб и попробовать нанести удар в спину, тем более в такой подходящий момент. Поэтому мои люди не столько наблюдали за погоней, сколько обеспечивали твою безопасность.

– Извините, что неправильно понял вас. И... спасибо.

– Не надо благодарностей, Феликс, не за что, иди отдыхай.

Явившись на поселение, Феликс сразу увидел умывающегося Виктора. Будто не замечая его, он прошел мимо, осмотрел порядок внутри барака, пинком поднял одного из надзирателей, который безмятежно развалился в тени. Только убедившись, что можно безопасно пойти на контакт, Феликс отозвал Крота в дальний конец барака, где их никто не смог бы услышать.

– Ну давай, Витя, излагай свой план.

– Во-первых, гранату я из тайника взял, она лежит на выходе из лагеря, в кустарнике, под самым большим кустом, справа при движении в аул. Я там несколько веток надломил, чтобы ты мог сразу ее найти.

– Пока не вижу никакой необходимости ее искать.

– Ты слушай внимательно. Достать Хасана даже при всей своей приближенности ты не можешь, так? Я тем более ничего не могу сделать, в моем положении это даже теоретически невозможно. Значит, что из этого следует? А следует то, что мы должны его достать вместе. Я остановился на одном из вариантов.

– Интересно, на каком?

– Нужно сделать так, чтобы Хасан приговорил меня к казни. Мало того – надо, чтобы он собственноручно решил меня уничтожить.

– Ты в своем уме? Ночью об пенек головой не ударялся?

– Я в порядке, ты дальше слушай. Допустим такой вариант – я, как только ты впервые меня увидел, показался тебе знакомым. Но где и когда, при каких обстоятельствах ты мог меня видеть, вспомнить, как ни стараешься, не можешь. Ты начинаешь меня прощупывать, просчитывать, даже специально отбираешь, как кандидата в надзиратели, чтобы во время бесед найти общие точки соприкосновения, но тщетно. Из бесед получается, что встречаться раньше мы никак не могли. Ты уже готов согласиться с тем, что просто обо-звался. И вот, наконец, удача улыбается тебе – когда я принимаю душ, ты случайно видишь мою грудь и безобразный шрам на ней. И все вспоминаешь.

– И что конкретно я вспоминаю?

– Что человека с таким шрамом ты уже видел в своем род-

ном городе, в одном из спортзалов, когда сам безуспешно пытался найти секцию карате. Там ты и увидел меня с голым торсом и, естественно, обратил внимание на мой шрам. И, главное, после тренировки ты увидел, как я выходил из спортзала в военной форме с темно-синим кантом на брюках.

Звания не усмотрел, но кант увидел. И вот теперь ты знаешь, что здесь, в лагере рабов, находится офицер безопасности, может, и бывший, но все же. Естественно, ты сразу докладываешь Хасану. И теперь – самое главное – какова, по твоему, может быть реакция Хасана?

– Да черт его знает, если честно, здесь однозначно ответить трудно. Что он может предпринять? Скорее всего, прикажет взять тебя и бросить в камеру пыток, хорошенько допросит, а потом полуживого кончит.

– Хасан сам будет допрашивать и убивать? Или поручит это другому?

– Допрашивать, вероятнее всего, отправит меня, ведь ты мой подопечный и я тебя вычислил – мне и карты в руки, тем более подобный опыт уже имею. Ну а кончать тебя, думаю, будет сам, хотя может и поручить одному из своих приближенных удавить тебя по-тихому и бросить на корм шакалам.

– А что более вероятно? Допрос меня не интересует. Если это будешь ты, тогда и передашь мне гранату. Мне важно знать, что более вероятно – сам он будет казнить или перепоручит другому?

– Если исходить из того, что он маньяк, и казнь, как он мне раньше признавался, доставляет ему истинное наслаждение, то, скорее всего, казнить будет сам.

– Вот и я думаю, что не откажет он себе в удовольствии безнаказанно убить человека.

– Ты говоришь так, будто казнить будут не тебя, а кого-нибудь другого.

– Я же не собираюсь умирать, Феликс, что же мне драматизировать ситуацию?

– Ну хорошо, может, я чего-то еще недопонимаю, но что из всего этого следует?

– Вот теперь представь: Хасан получает в руки жертву, сажает в подвал, начинает допытываться – кто я и что здесь делаю? Я не Павлик Морозов, молчать не буду, наоборот, выдам такую легенду, что и пытать не будет никакой необходимости. Он узнает, что я работаю против него, собираю информацию для дальнейшей передачи по назначению. На что решится Хасан? 70 против 30, что он решит меня убрать, и сделает это сам. Здесь ты должен продумать, как передать мне гранату, если не будешь иметь доступа ко мне в камеру. И убедить его, что казнь не стоит афишировать, лучше всего провести ее ночью, в ограниченном кругу лиц, включая тебя. Доводы можешь привести различные, судя по всему, у тебя это неплохо получается – главное, чтобы на плато мы оказались в сопровождении всего нескольких человек, а не всего аула, как в случае с Кошанским. Тогда, если все бу-

дет развиваться по плану, на выходе из аула я отбрасываю гранату в сторону – перед этим не забудь выдернуть кольцо из взрывателя, сам я не смогу со связанными руками это сделать – и кидаюсь на землю. Одновременно со мной падаешь ты и сразу после взрыва открываешь огонь по Хасану и его прибуде. «ПМ» – оружие хоть и хреновенькое, но для ближнего боя вполне приемлемое. Так что здесь на нашей стороне фактор неожиданности. Я считаю, взрыв, в лучшем для Хасана и его гвардии случае, их шокирует, в худшем – свою порцию осколков они получают. В любом случае – шанс завалить их высок.

– А ты не подумал, что осколки разлетаются равномерно во все стороны и мы тоже получим свою порцию?

– Феликс, если бы я до мелочей все не продумал, то даже разговора бы не заводил. На выходе из аула, сразу за последним забором – брошенный арык, он зарос травой и внешне незаметен, но укрыться от осколков в нем можно, я прикидывал еще во время казни Кошанского. Чисто из профессионального интереса, не предполагая, что эта информация может пригодиться. Видишь – пригодилась. В этот самый арык мы с тобой и нырнем. Как только ты покончишь с этими ублюдками, снимешь с меня наручники – и ходу к тайнику.

– Что будем делать с Валентином, если он будет присутствовать на казни? А он наверняка там будет.

– С ним поступим по обстановке, будет вести себя нейтрально – не тронем, ну а если встанет на другую сторону, то-

гда ты знаешь, что надо делать. Валентин про арык, очевидно, не знает, так что вполне может оказаться жертвой взрыва... Вот ты и подумай, как ненавязчиво предложить ему держаться подальше от остальных.

– Ну хорошо, допустим, все пройдет так, как ты спланировал, но за нами может быть погоня?

– Не думаю, однако на всякий случай подстраховался – из тайника я взял не только гранату, но и два «калаша», они сейчас лежат и ждут нас метрах в ста от лагеря, причем с тремя полными боекомплектами. Если у охраны и возникнет желание нас преследовать, то встречный огонь быстро охладит их пыл, ведь они далеко не спецназовцы. И вообще, вряд ли будет погоня – там такой кишмиш начнется, что, думаю, им будет не до нас, и мы уйдем спокойно.

– Ты прав, – согласился Феликс, – надо действовать, а там посмотрим, что получится.

– Мне нужен день на подготовку, да и ты должен все складно организовать, чтобы заставить Хасана плясать под нашу дудку. Завтра вечером встретимся, уточним все детали, и завтра же пойдешь к Хасану сдавать меня. Ну а я твои доводы постараюсь здесь подтвердить кое-какими действиями.

– Хорошо, до завтра, удачи тебе, Виктор!

– Взаимно, ну все, разбежались.

Весь следующий день Феликс чувствовал себя не в своей тарелке. Казалось бы, все уже оговорено с Виктором, продумано до мелочей, но тревожное предчувствие и ожидание близкой, но все же непредсказуемой развязки не отпускало его. Как ни крути, но они сильно рисковали, пойдя на такой вариант устранения Хасана. Вернее, рисковал в первую очередь Виктор. В случае, если что-то в их плане вдруг расстроится, жизнь его тут же окажется в смертельной опасности. Да что там – любая ошибка или случайность приведет к неминуемой гибели. Почти всю бессонную ночь Феликс пытался найти другие возможные варианты выполнения задания, но каждый раз натыкался на непреодолимые преграды. И внутренне соглашался, что план Виктора наиболее оптимален. Он вновь и вновь прокручивал в голове сценарий предстоящей акции, и получалось, что Виктор вроде бы все предусмотрел. Шансы на успех были, шансы неплохие, но одно не давало покоя. Не было у Феликса полной уверенности в исходе операции.

Вечером, после окончания работ, Феликс подобрал момент и отозвал Виктора в сторону.

– Значит, так, – начал Виктор, – не будем тянуть время, после разговора ты идешь и сдаешь меня Хасану. Что говорить – ты знаешь. Постарайся быть убедительным, чтобы

этот хитрый лис не почувствовал фальши. Сам предложи доставить меня к нему, чтобы как следует поговорить со мной. Сейчас нас многие видят, и чтобы все выглядело правдоподобно, сразу же после нашего разговора вызови парочку надзирателей и прикажи им задержать меня, посадить в сарай и охранять до твоего возвращения. Ну а сам с задумчивым, но торжественным видом – вперед к Хасану. Только один момент. Обязательно забери гранату и постарайся доставить ее ко мне в камеру или туда, где меня будут содержать. Во время ли допроса или в другой момент, но граната должна быть у меня. Всякое может произойти, поэтому мне спокойней будет иметь при себе оружие.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.